

Евгений Лисицин
Алекс Рок

**КНЯЗЬ
РЫСЕР**

Евгений Лисицин
Алекс Рок
Князь Рысев 3
Серия «Князь Рысев», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70115302

SelfPub; 2023

Аннотация

Еще вчера я был гол, а сегодня сокол. Точнее, рысь. Князь Рысев, приятно познакомиться. Хотите знать, что дает мой титул? Головную боль, официальную опалу у императора, и всеобщее желание моей смерти, даже у соседской кошки. Хрен им! Умирать второй раз не по-княжески. Тем более у нас тут есть лисодевочки, сексуальные демоницы и чародейки прямо огонь, причем в прямом смысле слова. Значит, прорвемся или порвемся, тут уж как карта ляжет. Ну, понеслась...

Евгений Лисицин, Алекс Рок Князь Рысев 3

Глава 1

Стоило мне еще в детстве услышать слово «дуэль», как в голове тотчас же возникали ассоциации одна красочней другой. Д'Артаньян готов был хвататься за шпагу, размахивать шляпой, скрипеть потертым седлом. А его собутыльники горазды были рассказать про старый пруд, хорошенько нажраться и найти какую-нибудь даму на ночь.

Шпаги, драки, разговоры про честь в стиле пацанских пабликов, разве что попроще и поменьше пафоса...

Что ж, если этот мир царской России, где я оказался, когда-то и знал подобные дуэли, то они давным-давно сгинули в небытие, а на смену им пришло самое что ни на есть настоящее извращение.

Жека был сам не свой от переполнявшего его волнения – он как будто собирался отправить меня на войну. Оказалось, что оно почти что так и происходит: в особой дуэльной комнате перед нами будет создан некий особый мир с боевыми условиями, где мы наперегонки должны устроить штурм вражеской крепости с возможностью мешать друг другу

всеми возможными способами. Убивать нельзя, но ранить вполне себе можно. До первой крови, вспомнились мне слова нашего инфантер-генерала Николаевича, и это не добавляло радужных ощущений, скорее, наоборот.

Словно назло, разом обратившись в газету уровня «СПИД-инфо», Женька до отказа полнился историями чьих-то неудач. Юный Нечаев был повержен братьями Балеринкиными – и не спрашивайте меня, почему им разрешили биться двоим против одного! – и потерял ногу. На князя Вернадского свалилась несчастье – рана, полученная на дуэли, загноилась, и даже очищающее лечебное пламя оказалось бессильно. Умер на столе в церкви у ангела: несмотря на торжество победы, даже Бог отвернулся от него. Мне же вспомнилась Слави – наверняка она проделала с несчастным то же самое, что и со мной, заставив в трансе биться с собственной смертью, и парень попросту не сумел.

Нечто подсказывало, что эта самая «дуэльная комната» будет работать по тем же принципам. Вот только почему тогда все ранения принимали реальный облик?

Кабы я сам знал...

Я молчал и ничего не говорил Кондратьичу о предстоящей дуэли. Старик и без того немало натерпелся за последние дни, чтобы сваливать на него еще и это. Расскажу как-нибудь в следующий раз и постфактум – оставалось только надеяться, что моя удача окажется сильнее, чем выучка Орлова.

Дельви́г трепетал не хуже Же́ньки. Шмыгая носом, толстяк загибал пальцы и перечислял немалые достоинства юного сына судьи. Помимо магического дара, тот с самого детства тренировался с лучшими учителями, каких только можно было найти во всем Петербурге. Что и говорить, его характеристики были гораздо красноречивей слов.

Из головы все никак не выходило, что с того дня прошла целая неделя. Я таскал в кармане перчатку Орлова, словно напоминание и талисман о грядущем сражении, ждал слуг, коих мажорчик обещал в скором времени прислать, но так ничего и не происходило. Даже мир, два дня к ряду пытавшийся выколотить из меня все дерьмо всеми доступными способами, дал слабинку и не пытался меня прикончить.

На смену ярким приключениям спешила серость учебных будней. Я с содроганием вспоминал второй наш день после поступления и теперь прекрасно понимал, почему старшекурсники лишь гаденько ухмылялись нам вслед, предчувствуя скорую потеху.

Валерьевич – тренер, обещавший привести нас всех в идеальную форму, измывался над нами как только мог.

Злой и веселый, он готов был прыскать ядом на любого, кто попался под руку. Слово «похвала», если когда-то и существовало в его лексиконе, то давным-давно покинуло его напрочь. Остались лишь командирские окрики, недовольное бурчание, приказы повторить – еще раз и еще!

Мне казалось, что он первым делом прицепится к Дель-

вигу – толстяк смотрелся среди нас смешнее всех. Неказистый, выделяющийся своими объемами, он явно находился не в своей тарелке. Любопытства ради я спросил его, почему он решил выбрать военную карьеру. Почему не решил-ся пойти в писатели, учитывая, что к этому располагает и его класс, и дар рода? Он лишь сконфуженно покраснел, а Женька недвусмысленно мне напомнил, что они когда-то с Рысевым-бывшим договорились больше никогда не поднимать эту тему.

И, если верить его словам, никогда еще не закончилось, и потому мне лучше прикусить язык. Я глянул на толстяка и понял, что если продолжу мучить его на эту тему, то как минимум потеряю друга.

Не поднимать так не поднимать, я разве настаивал? Но скрупулезно изучал его ясночтением, надеясь вычитать некую особенность, уловить изъян за хвост.

Изъян оказался слишком неуловимой для меня добычей, и я сдался, решив, что лучше отдам себя на откуп учебникам.

Валерьевич же сделал вид, что Дельвига для него не существует. Он смотрел куда-то в сторону, видя, как жиртрест пришел самым последним и с огромной задержкой после пробежки, и махнул рукой, когда тот попытался отжаться от земли хоть раз. Но когда кто-то беззлобно пошутил над парнем, Валерьевич тут же обратился в дикого вепря.

Да, говорил он, телосложением офицер может не выйти. Но не каждый, кто хорошо воюет, прекрасно бегают. И не

всякий, кто быстро бежит, хорошо воюет. Его глаза зло блестя, когда он это говорил, и я понял, что эта тема для него как минимум личная.

Дароведение, которое вел Станислав Яковлевич, оказалось на редкость интересным предметом. Сам Яковлевич был едва ли не нашим ровесником. Моложавый, с красивой улыбкой, разодетый в костюм, он едва ли не сошел со страниц модного журнала. Стоило ему при первой нашей встрече появиться в аудитории, мне показалось, что он смотрит-ся чуждо между стоящими на задних лапах чучелом медведя и вырвиглазным, явно замученным прошлыми студентами макетом тигра. Что, вскинув брови и оперевшись спиной на учительский стол, этот молодец примется нам вещать про фьючерсы, ваучеры и премудрости экономики.

Как же я оказался не прав.

Он был целиком и полностью увлечен собственным предметом. Наверно, спроси его кто-нибудь про войну с турками – и он лишь неопределенно пожмет плечами. Попытайся вызнать хоть что-то про красоту и женственность – и он замнется с ответом. Но разбуди его посреди ночи и после грандиозных масштабов попойки и спроси, чем дар отличается от возможностей, – и он исколотит тебя, как боксер грушу, фактами, а когда ты попытаешься ретироваться – придержит за пуговицу штанов...

– Рысев, да вы, никак, витаєте в облаках! Плохо, голубчик, очень плохо! Неужели вам не интересно? – Он оклик-

нул меня, а я тут же вскочил с места, чуть не отдав честь. Вовремя спохватился и попридержал руку – здесь и сейчас этого не поймут.

– Никак нет! Слушаю вас внимательно как никогда! – отчеканил я. Яковлевич выдохнул, будто чуя фальшь моих слов.

– Тогда о чем же я только что рассказывал? Давайте проверим, насколько ваше «внимательно как никогда», голубчик.

– Вы спрашивали, чем дар отличается от возможностей!

– Допустим, – он кивнул, соглашаясь с озвученным, поправил свои хрустальные очки. – И чем же?

Я хищно улыбнулся. Если он планировал поймать меня, как и прежде, на полном незнании своего предмета, то в этот раз ударил мимо. Дельвиг, едва заметив, что я начал сильно отставать в предмете, самолично вызвался в мои репетиторы. Черт. Он ведь пришел в тот момент, когда мы с Биской развлекались под одеялом. Чертовку бы он не увидел, но встань я перед ним полностью обнаженный – точно бы не оценил.

Его старания не прошли даром – помимо умения приписывать магические способности на пару-другую минут, он умел с юмором и легко объяснять. Яковлевич уже заприметил толстяка в свои любимчики и наверняка хотел бы видеть его в качестве своей будущей замены.

– Дар – особенность, передающаяся наследственным пу-

тем. От возможностей отличается тем, что ему невозможно обучиться, с ним можно только родиться.

– Магия – это дар?

– Возможность, – возразил, парируя тем, что написано в учебнике. Дельвиг густо залился краской, чувствовал, что не зря тратил на меня время. – Каждый человек накапливает внутри себя магические эманации. Некую энергию, при помощи которой может воздействовать на окружающий мир.

– Разве это не дар? – Яковлевич нахмурился, но я не поддался на его школьные уловки. Нет уж, братец, этими фокусами меня еще классуха мучила, а тебе, при всем моем уважении, до нее, как до луны. Он же продолжил свой вопрос. – Среди благородных родов полно потомков, способных взывать к магическим наукам. Чем же это не магия? Вот, скажем, род Тармаевых специализируется целиком и полностью на огненной магии...

– Так и есть. – Я кивнул ему в ответ. – Однако простолюдинов, способных не просто разжечь костер силой воли, а в чистом виде управлять огнем, почти не существует. Если, конечно, они не служат офицеру.

Я мог бы продолжить, но вопрос не требовал ответа сверхмеры. Как-то попытался отвечать развернуто, но мне снизили балл за «излишние подробности». Все-таки я был хоть и в учебном, но военном заведении, а здесь болтунов не очень любили, если этот болтун не Дельвиг. Толстяку пришлось многое, и я нутром чуял, что это каким-то образом связано

с тем, о чем нам лучше с ним никогда не говорить.

– Что ж, вижу, что вы не только меня слушали, голубчик, но и наконец-то взялись за ум. Вы умеете... приятно удивить, Рысев. Это похвально.

Он выдохнул, сделал жест сесть на место и двинулся к доске. Ловким движением, будто в его руках оказался не мел, а самая настоящая волшебная палочка, он принялся выводить на доске многозначные, хитромудрые фигуры.

Мы смотрели на них с удивлением. Переводили взгляд с начертанного на Станислава Яковлевича, будто бы препода вот-вот должен был рассыпаться хоть сколько-то понятным объяснением.

– Рысев сказал то, что написано в учебнике. И он прав. Что ж, давайте теперь поговорим о том, как так называемые «возможности» могут послужить зарождением дара. То, что передается вашими родителями из поколения в поколение, выпестовывается и культивируется годами, является даром. Простолюдин может быть чародеем, взывать к звездам, готовить чудесные, поражающие разум блюда, но все это сгинет в небытие и не может быть передано его потомкам.

– Вы хотите сказать, что дар – это эволюция возможности?

Орлов, несмотря на мажористость, и в самом деле отличался умом. А если не умом, то хотя бы начитанностью – ссылались годы обучения у гувернеров. Лыбясь, будто только что выиграл гран-при, мажорчик бросил на меня многообещающий взгляд – любил он это проделывать. Не иначе как

думал, что от его этих поглядюшек меня пробивает холодом пустого ожидания. Я же лишь фыркнул, отрицательно покачивая головой.

– Хорошая догадка, Орлов. Если, конечно, это догадка. Но доля правды здесь есть. Благородный дар имеет возможность передаваться по наследству и может быть смешан. По крайней мере, на данный момент нам известны случаи, когда представители двух благородных родов связывали друг дружку узами брака и получались интересные результаты. Вопреки аксиоме, что потомство унаследует лишь один из даров своих родителей, есть случаи смешения.

Кто-то прыснул в аудитории неловким, ребяческим смехом – ну как же, хоть и завуалированно, научным языком, но заговорили про пиписьки. Как тут не засмеяться?

Наверное, не будь на мне груза прожитых лет и останься я точно таким же наивным парнишкой, каким был в их возрасте, сделал бы то же самое.

Яковлевич же хрипло кашлянул, прочистил горло, затребовав тишины и уважения к своему предмету.

– Однако перейдем к другой особенности вашего дара.

– Нашего дара? – Здоровяк из клики Орлова посмел перебить учителя, неприязненно сморщиться. Его взгляд был устремлен на Дельвига – как будто силач не хотел иметь ничего общего с жиртрестом, и одна лишь мысль об этом выводила его из себя. Яковлевич же лишь кивнул.

– Верно. Ваш общий дар. Вы ведь уже все получили ли-

цензии на поиск своих первых подопечных?

Зал тотчас же заполнился согласным гулом – кто-то отвечал в голос, кто-то попросту кивал. Я вспомнил о бумажке, что ждет своего часа в моем нагрудном кармане. Поганцам с моего курса гораздо проще – найти какого-нибудь простолюдина, предложить ему службу у себя и радоваться во все штаны. Мне же требовалось вынь да положь отыскать кровнорожденного, иначе Николаевич выкинет меня взащей. Он, конечно, прямо так не сказал, но намеки – они всегда такие намеки...

Яковлевич кивнул, принимая наш ответ.

– Замечательно. Через неделю у вас будет практика, где вы обязаны будете предоставить человека, готового пойти с вами в огонь и в воду. И вот здесь мы переходим к самой сути. Так вышло, что благородные потомки мужского рода обладают возможностью связывать себя с другими людьми, обладающими лишь возможностями. Что, конечно же, в некотором роде паразитирование. – Он умиротворяющее поднял руки, будто чуя шквал возмущения подобным сравнением. – Прошу прощения, я подобрал неправильное слово. Сойдемся на симбиозе, голубчики. Ваш подопечный дарует вам часть своих урезанных возможностей, взамен же получает возможность раскрыть свои на новом, недоступном ему ранее уровне.

Я ждал, что он сейчас расскажет нам про кровнорожденных, но даровед решил спрятать сию тайну за хитрой молча-

ливой улыбкой. Я записал его последние слова в тетрадь, не надеясь на проказы собственной памяти.

– Так вот, возвращаясь к тому, что дано благородным родам. Истинным даром является умение создавать этот самый симбиоз. То же, что ваши родители сумели передать вам по наследственной линии, лишь усложненная возможность. Мой предмет не зря зовется дароведением. У вас есть догадки, что это означает?

Повисла тишина, и я поднял руку на секунду раньше Орлова, за что получил возможность отвечать первым. Белобрысая гнида разве что не закрипел зубами от переполнявшей его злобы. Это ничего, подумал я, глядя на его затылок, скоро мы с тобой в обязательном порядке сочтемся. Споешь мне и про колечко, и про то, за коим лядом оно тебе вперлось...

– Говорите, Рысев.

– Если я правильно понял то, о чем вы только что говорили, то вы собираетесь нас учить тому, как лучше пользоваться этим симбиозом. То, что называется даром благородных, многообразно – кто-то умеет создавать огонь и лед, а кто способен заковать собеседника в чародейские кандалы. Вряд ли вы можете учить всех одинаково, но и индивидуальные занятия вы тоже проводить не станете.

– Верно, голубчик, верно. Правильно рассуждаете. Я не могу научить вас лучше создавать огонь, если вы это уже умеете. С подобными способностями надо расти, чтобы по-

нимать механику их работы и собственные возможности. А вот умение связывать друг дружку с другими...

– Позвольте вопрос. – Орлов был ничем не лучше здоровяка из своей компашки и норовил влезть поперед батьки в самое пекло. Что ж, Яковлевич был сегодня щедр и в настроении, чтобы позволить «благородным мальчикам» подобную наглость. – Что будет, если один офицер попытается связать себя с другим офицером? Один станет послушным исполнителем другого?

– Послушный исполнитель – звучит как рабство, голубчик. Не будем об этом – крепостное право у нас отменили, а оковы неволи были свойственны лишь за берегами нашей Империи.

Орлов смутился, по его щекам пробежал румянец стыда, но Яковлевич не обратил на это внимания, выдохнул и продолжил объяснение.

– Вопрос, впрочем, интересный и не раз поднимался. По нему до сих пор ведутся общие диспуты и споры: относится ли особенность быть «привязанным» лишь к простолюдинам? Что будет, если один благородный попытается сделать нечто подобное с собратом? Поясню, что на данный момент проводимые опыты признаны бесчеловечными и антигуманными. А потому находятся под запретом. Однако было выяснено, что в таком случае меж двумя, кхм, представителями благородных родов обязательно случается «мысленная перепалка». Некоторые теряют всякую возможность привя-

зывать к себе подручных, а так же теряют тех, кто поклялся им в верности, иные же, увы, умирают. Надеюсь, я сумел дать удовлетворяющий вас ответ, князь Орлов?

Мажорчик буркнул что-то невнятное и уткнулся в учебник. Что ж, приятель, не все тебе блистать умом – иногда и конфуз в кармане сидит.

Даровед бросил взгляд на часы, которые вот-вот должны были отбить последнюю минуту его занятий, и устало выдохнул. У него как будто еще в запасе осталась целая тонна материала, который он обязан вылить на нас, а тут такая досада.

– Что ж, думаю, на этом закончим наш сегодняшний урок. До так называемой «практики» мы будем работать только над теорией, но вот уже после нее будем переходить к активной части занятий. Искренне соболезнаю тем, кто еще не сумел выбрать себе подопечного – им придется наверстывать очень многое. В остальном – желаю удачи и передавайте мои наилучшие пожелания Евлампии Романовне. Уверен, сегодня она приготовила для вас сюрприз.

Глава 2

Я, кажется, уже когда-то говорил, что меньше всего на свете люблю сюрпризы.

Если не говорил, то знайте – дела именно так и обстоят. Ну их в дупу, такие неожиданности.

Учительница каллиграфии была сегодня полна решимости и задора. Голубые глаза пылали азартом, будто она собиралась играть с нами на раздевание в карты и обязалась

выиграть.

Вместо этого мы взялись за уже привычные нам учебные шпаги, приготовившись к очередным упражнениям. Чернильница, желтоватый холст бумаги, не терпящий клякс, ее строгий взгляд. Наставление, по крайней мере. Мы все ждали, что будет как обычно.

Как обычно не оказалось.

Она велела нам сдвинуть парты по краям, убрать их. Высвободить место для плотного круга. Из оружейной корзины она трепетно и со всем вниманием выбирала себе клинок – ясночтение было согласно с ее выбором. Испанская шпага, выполненная мастерами Доном Муертой и его слугой Гульером, верриканская сталь, ордонисская закалка. В описании была и еще куча других непонятных мне названий, которые я решил пропустить. К моему удивлению, если клинок, что я подарил Кондратьичу, был легендарного качества, эта цацка оказалась самого обычного. Да, выполненная мастерами и из хорошего материала, но ничего особенного.

Вышагивая посреди, отсалютовав нам выбранным орудием, она ткнула шпагой в землю, кивнула недоумевающим нам и улыбнулась.

– Нападайте, – обронила она, и мы ничего не поняли. Переглядываясь друг с дружкой, будто вопрошали – а не сошла ли наша дорогая каллиграфичка с ума? Да, может быть, рисовать буквы при помощи шпаг не самое легкое, простое и вряд ли разумное занятие, но вот драться с ней?

Я чуял, как в воздухе парит дух недовольства. Благородные юнцы не желали запятнать свою честь сражением с женщиной. Нечто же мне подсказывало, что помимо этой причины они еще и боялись проиграть – как потом смотреть в глаза юным девам и рассказывать, сколь ты силен и проворен, когда на лопатки в честном поединке тебя сумела одолеть женщина?

В нечестном. Словно чуя нашу нерешительность, она поманила нас рукой.

– Ну же, ну же, смелее. Берите свои шпаги и нападайте. Все и сразу.

– Евлампия Романовна, вы в порядке? – Тоненький голос Дельвига, полный настоящей заботы, прозвучал, как лебединая песнь. Толстяк дрожал от волнения, кусал губы и не знал, что делать. И дело было вовсе не в том, что на поединок его звала женщина – он совсем не хотел драться.

– Вы же мужчины, – вдруг упрекнула она нас, метя в самое больное. Я почти почувял, как воздух задрожал от напряжения – всякий как будто желал ей доказать, что он самый что ни на есть мужикастый мужик! Она же продолжила, не скрывая ухмылки: – Если это и в самом деле так, то покажите, на что вы способны. По офицерскому корпусу прошел слух, что некоторые из вас считают мои уроки абсолютно бесполезными.

О, а вот тут уже запахло ее уязвленной гордостью. Если Романовна чего и желала, так это поставить юных выскочек

на место. Я оглядел аудиторию в желании узнать, кто же заалеет, как маков цвет, от ее упрека. Уж не Орлов ли?

Я чуть не открыл рот от удивления, когда застыдился Женька – кому и когда он успел брякнуть столь порочащие слова, мне неизвестно. Вроде бы уж почти всякий раз вокруг нас вился, а вон поди ж ты...

– Это неприемлемо! – выкрикнул сын судьи, грозно нахмутив брови. – Я не буду драться с женщиной! Я после занятий... да что там, сейчас же пойду к инфантер-генералу, я дойду до самого верха, я буду...

Ого, и не думал, что у него за сегодняшний день получится выставить себя полным идиотом дважды. А он вон поди ж ты – тоже был горазд на своеобразные, но сюрпризы.

Его тираду прервало покашливание Николаевича. Старик, опираясь на трость, сидел чуть ли не в самом углу – как и когда он успел там появиться, никто не знал.

Генерал помахал нам рукой, вскинул брови, поудобней устроился на стуле, будто сейчас перед ним должно было разыгаться настоящее зрелище.

Я же уже зрелище наблюдал – Орлов не знал, как и что делать дальше. Бледнел, краснел и зеленел, но так и не мог найти подходящих слов.

– Что же вы, сударь, так некорректны? Какая же Евлампия Романовна вам женщина?

Возмущения сменились у сына судьи пустыми возражениями, которые ему нечем было подтвердить. Николаевич

лишь махнул на него рукой – мол, молчи уж, ясно все с тобой...

– Каждый в этой комнате должен уяснить для себя только одну истину. Евлампия Романовна в стенах этого заведения вам не женщина, не девочка. Не дева в беде. Она ваш учитель. А теперь, будьте добры, исполняйте то, что она требует.

Тупой кончик шпаги постучал по изрядно истертому полу, будто приглашая каждого из нас вступить в игру.

Мы держали шпаги будто в первый раз, смотрели на Романовну, словно на сумасшедшую. Орлов так и вовсе весь был как на иголках. Красный как рак, он топил собственный стыд в злобе.

Женька кусал губы и что-то, качая головой, бормотал себе под нос. Дельвиг побледнел – сама мысль напасть на учителя приводила его в ужас.

– Нападайте! – велела она. Ее шпага описала перед нами причудливый салют.

– Нападать? – Губы Дельвига дрожали. – Все сразу?

Инфантер-генерал окинул нас осуждающим взглядом, примирительно поднял ладонь.

– По трое, молодые люди, по трое. Имейте совесть, перед вами все-таки, – он хмыкнул, желая уколоть нас побольнее, – женщина.

Смельчаков не нашлось. Весь курс будущих офицеров ухнул в смятение. И если я, допустим, знал, кого выберу в союзики, то остальные переглядывались, взглядом ища под-

держки товарищей. Аудитория заполнилась немymi вопросами – ты со мной? А ты? А ты?!

Словно решив воздать за прежние унижения, вперед выскочил Орлов. Здоровяк и доходяга – извечные спутники сына судьи – с неохотой выдвинулись за ним. Они как будто прежде не держали шпаг в руках, из матерых вояк обратились в детей.

И сейчас строгая старушка устроит им порку.

Узнай Романона, что я хоть и в мыслях, а обозвал ее «старушкой», и мне бы не поздоровилось. Устав ждать, когда ее ученики нажуются сопель, она атаковала первой.

Легкий, изящный скачок, три укола – здоровяк, выронив шпагу, грузно завалился на пол, стискивая колено.

Все ахнули, но крови не увидели.

– Не зевай! – велела учитель чистописания, улыбнувшись, второй целью избрав доходягу: Орлова она берегла на сладенькое.

Инфантер-генерал лишь развел руками, прыснул в усы.

– Шпага в ее руках учебная. Но это не значит, что ей нельзя сделать больно. Привыкайте, враг будет делать больно постоянно.

Здоровяк, прихрамывая, заспешил прочь из бойцовского круга – словно в наказание за бегство, отбившись от двух атак одновременно, Романовна, в один скачок оказавшись рядом с ним, словно плетью, размашисто ударила бедолагу по заднице.

Смех и восторг служили результатом чужого унижения. Даже я прикрыл растущую неловкую улыбку ладонью.

Ее выпады были чем-то особенным – я до конца не понимал, что же такое вижу. Это ни в коем разе не было похоже на то фехтование, к которому я привык. Это был дерзкий, агрессивный наскок. Валерьевна лихо блокировала удар мажорчика, уводя его в сторону, завернутой в плащ рукой оттолкнула его прочь от себя, врезала в стену. Ее клинок через мгновение врезался в чашку шпаги доходяги, поднырнул прутом лезвие, метя в ладонь – словно ужаленный злой осой, мальчишка отшвырнул оружие прочь. Его боевая рука тотчас же налилась красным, распухла, будто от дикого жара. Тупой кончик учебной шпаги в руках женщины вмиг оказался у самого горла несчастного – перетрусив, задрав голову, он испуганно смотрел сверху вниз на клинок.

И на улыбку самодовольной Романовны. Словно решив дать ему шанс, она отскочила, лениво размахивая оружием – и доходяга нырнул за лежащим у ног оружием, надеясь подлостью купить победу.

Это он зря...

– Чему я вас учила, мальчишки? – задорно, с притворной строгостью спросила она у аудитории. – Что отвага пишется с буквы О!

Описав красивый, ровный круг клинком, она ударила наотмашь и плашмя – доходяга, сбитый с ног, грузно рухнул на пол, решив, что настало время принять поражение.

Орлов зверел не по часам, а по секундам. На миг мне при-
чудилось, что где-то в крови белобрысого мажорчика есть
испанские корни. С трудом сохраняя последние остатки спо-
койствия, он отчаянно злился неудачам. Они приводили сы-
на судьбы в неистовое бешенство. Едва ли не с рычанием,
восстановив равновесие, он снова оказался в боевой стойке.
Ударил шпагой перед собой, а мне подумалось, что несчаст-
ный обезумел – словно записав воздух во враги, он отвесил
ему еще одну хлесткую, но бесполезную затрещину.

Полоска его маны дрогнула, догадка случившегося удари-
ла меня мгновением позже, и я не успел среагировать. При-
зрачная, гремющая цепь, родившаяся из родового заклатья
жадными до чужих рук и ног кандалами потянулась к жен-
щине.

Чтобы в тот же миг рассыпаться в прах. Красными искра-
ми, будто сгорая, она растаяла, не оставив и следа.

Николаевич лишь наставительно погрозил пальцем – не
Орлову, всем нам.

– Никакой магии в стенах учебного заведения. Только на
практике, дуэлях и полигоне. Вам ясно, молодые люди?

Романовну несколько выпад мажорчика не удивил. Не
раствори чужого заклатья... а кто его растворил? Я не знал,
ну да и черт бы с ним. Не сделай этого таинственный некто,
так она нашла бы способ увернуться.

Конечно, с двумя-то сотнями очков в ловкости и с доми-
нированием по уровню, еще бы она этого не сделала! Яс-

ночтение вытаскивало ее подноготную, выкладывая передо мной. Рефлексы, цирковое прошлое, атлетка – по уровню гибкости и скорости она могла составить конкуренцию даже Алиске.

– Она пишет, – вдруг сказал мне Дельвиг, дернув за рукав.

– Что?

– Она пишет, – повторил толстяк и кивнул на Валерьевну, уставился мне прямо в глаза и сказал по новой. – Она пишет, понимаешь?

Я не понимал, но то, что наш поэтичный жиробас что-то этакое разглядел в ее необычном стиле фехтования, должно было привести на мысли.

Отважная догадка, минуя островки бреда, цепляясь за округлые, скользкие края чужих слов, рвалась с самых низов в мою голову.

Орлов остервенело покачал головой, будто прогоняя остатки здравого смысла, решив оставить подле себя лишь гнев, ненависть и желание самоутвердиться.

Неплохо, направлял бы он все это еще в правильное русло...

Романовна встретила его атаку без особого пиетета. Там, где Орлов видел себя беспощадно жалящей осой, она без особого энтузиазма, с ленцой, отбивалась.

Чтобы через мгновение устроить форменное шоу.

Она пишет, как набатом прозвучало у меня в голове, и я, наконец, увидел. То, что я принимал за фехтование, выпады,

репризы и батманы, на самом деле были слова.

Кончик шпаги перед каждым ударом выписывал буквы – Романовна строчила повесть о своей маленькой, нелегкой победе. С издевательской ухмылкой на лице склоняла, вкручивала в речь двух клинков деепричастный оборот, спешила заменить подлежащее сказуемым – и вот уже из неловкой барышни, учительницы каллиграфии она обращалась в неистовую бестию.

Вот зачем она учила нас писать шпагами – ее уроки на деле не имели никакого отношения к фехтованию. Ее задачей было научить нас вкладывать в слова смысл. Наполнить наши будущие заклинания не только волей, но и всей силой русской речи.

Силен и могуч русский язык.

Орлов защищался, будто лев. Стоило отдать должное его учителям – свой хлеб они жевали не зря. По крайней мере, приучили мальчика держать клинок не как острую дубину.

Романовна опробовала его защиту междометием, не договорив, нарисовала точку с запятой. Клинки щелкнули друг о дружку в неистовом батмане, высекая искры – оборона мажорчика пусть и трещала по швам, но напор держала. Тогда Романовна схитрила. Юркая, словно обезьяна, она закружилась вихрем. Кончик шпаги уже писал сыну судьи поражение. Не стесняясь поэтичности, не чураясь филигранности стиля, она обрушилась на него жалящим штормом.

Шпага кольнула Орлова в плечо, скользнула к колену, за-

ставила парнишку вскрикнуть, прежде чем рухнуть наземь. Размашистый удар прошелся по груди, лишь чудом оставив рубаху целой. По-женски издевательски Романовна закончила свой рассказ о победе, поставив точку: ткнула кончиком острия Орлова в нос.

Боль заставила мальчишку залиться слезами. Нехотя, но все же принимая реальность, он поверженно поднял руку, говоря, что на сегодня усвоил урок.

– Следующие? Ну же, ну! Покажите себя, ведь вы же, – она хмыкнула, будто сомневаясь в том, что говорит, – мужчины.

Укол пришелся в самое сердце. Умелой манипуляторшей она заиграла на нас, словно на скрипке.

– Зачет автоматом всякому, кто сумеет утереть мне нос! Будьте же джентльменами, предложите даме платок! – пообещала она, и это сыграло свою роль.

Желающих испытать удачу прибавилось. Каждый мнил, что раскусил хитрость ее приемов. Да и Орлов – ну кто такой этот Орлов? Они-то сами справятся куда лучше, не дадут застать себя врасплох...

Как же, не дадут. Вторая троица игроков сгинула куда быстрее первой. Если сын судьи умудрился оказать хоть какое-то сопротивление, то эти олухи лишились всякого шанса почти с самого начала. Романовна расправилась с ними в три предложения и один короткий абзац.

Мне почти казалось, что я вижу – она пишет о былых сражениях, своих и не очень.

– Ну? Есть еще желающие?

Я сделал шаг вперед. Женька поймал меня за руку, зашипел, будто змея:

– Ты что? С ума сошел?

– Ты со мной или нет? – вопросом на вопрос отозвался я. У Дельвига не спрашивал – толстяк хоть и трус, но друзей в такой миг не бросит.

Да от него и не требовалось сражаться.

– Ну знаешь, Федя... – Жека лишь качнул головой и ухмыльнулся. Не мы ли сами обещали себе при поступлении не ведать страха, идти об руку друг с другом и прикрывать спины?

Кажется, как раз сейчас такой момент и настал.

Николаевич начал следить за нами с любопытством. Словно хотел глянуть, что же на этот раз выкинет достославный Рысев, за спиной которого куча грешков.

Сев поудобней, он облокотился на излюбленную трость, прищурил глаза, спрятал довольную ухмылку в усах.

Словно все это представление только для одного меня.

– Ну что же вы, господа? К бою!

Она сразу поняла, кто в нашей троице опасней остальных. Если с другими можно было играть, как кошка с мышью, то во мне она чувала угрозу.

Словно где-то внутри у нее было свое особое ясночтение, заточенное на воинском инстинкте.

Словно осатаневшая, она бросилась на меня в яростной

атаке. Клинок выписывал мне одно обвинение за другим, не ведая пощады. Я ответил сарказмом. Почерк мой оставлял желать лучшего – до остро отточенной грации Романовны мне было как до Китая раком. Смешная острота из-за моих кривых рук прозвучала как скверная шутка, но на лице женщины отразилось удивление. Что ж, кажется, она не ожидала, что хоть кто-то раскусит ее методику боя.

А другой, которому подсказали, сможет выдумать свою.

Она не стала пробовать на вкус мою защиту дальше. Рывком расправила простыню плаща, махнула им перед моим лицом – жесткое полотнище, хлопая по воздуху складками заставило меня отступить, спрятало мерзавку от моих ударов.

Что будет дальше, я знал.

Она первым делом завалит Женьку – худосочная шпала, выше ростом и с длинными руками соперником ей не был, но расчет был верен. Напади она на Дельвига, и Женька сможет ударить ей в спину. Пусть подло, пусть мерзко, пусть сама благородная суть рода не позволит ему этого сделать, но она опасалась.

Видимо, был печальный опыт.

Дельвиг держался молодцом. Швырнув былую нерешительность в бездну, он стоял в красивой стойке, заложив руку за спину. Словно толстяк был сейчас не на импровизированной школьной арене, а на палубе готовящегося к абордажу корабля.

И пусть дрожат колени, а страх крадется в душу – он встретит соперника как подобает.

Поэт, одним словом, по другому-то и не скажешь...

Я ударил наотмашь, подцепив край плаща шпагой, тряпкой швырнул его за круг арены, кольнул снизу, наткнулся на блок. Романовна заскрипела зубами – она ждала от меня отступления, но никак не дерзкой, решительной атаки. Все ее бывшие планы разом отправились к чертовой бабушке.

Мне страшно хотелось, чтобы яснотчение не было столь однобоким. Хотелось украсть у Биски ее право читать чужие мысли: мне жаждалось хоть краем глаза взглянуть, что за идеи роятся в голове этой женщины.

Она жила на чистой импровизации. Не оставалось даже сомнений, по каким именно причинам она приглянулась Николаевичу – против такой-то словоохотливой фехтовальщицы не найдешь и слова против сказать.

Зато у нее их было вагон и маленькая тележка. Надо отдать ей должное – тот кортик, что я подарил Кондратьичу, следовало бы передать ей в руки.

И тогда, наверное, она была бы непобедима.

Женька вовремя поддержал мою атаку – двумя клинками, не давая Романовне ступить лишнего шагу, мы заставили ее отступать. Словно вспомнивший, что он здесь не только для того, чтобы красиво стоять, к нам присоединился Дельвиг.

Я знал, что у него ни черта не получится. Шпага представлялась ему игрушкой, а не оружием, а потому женщина сра-

зу же учуяла брешь в его обороне. Двумя скачками ушла от нас с Женькой, рубанула клинком наотмашь, предчувствуя последующий удар – я чертыхнулся. Проммах был глупым, а от того еще более обидным.

С толстяком она оказалась мягка, словно любовница в майскую ночь. Если другие смельчаки ловили по несколько болезненных, сбивающих с ног уколов, то с поэтом она ограничилась лишь тычком в живот.

Жиробас разом потерял волю к сопротивлению и завалился, будто мешок.

Мне казалось, что над ним будут смеяться, но аудитория молчала.

Мы переглянулись с Женькой.

– Бей ей по ногам, – сквозь зубы, едва слышно проговорил я. Женька, может быть, и удивился, но виду не подал, кивнул, принимая на веру мой план.

Мы атаковали вместе, не сговариваясь. Мой друг выбрал своей целью живот и колени, метя в них. Романовна отбивалась упреками – звенящая сталь гораздо была обвинить Жеку во всех смертных грехах.

Моя атака прошла мимо – ровным счетом так, как и планировалось. Решив, что я попросту промазал, женщина спешила разделаться с долговязым парнишкой. Даже не понявший ее возможностей и стиля, его длинные руки по-прежнему были для нее угрозой. Рост позволял ему держать ее юркую фигурку на расстоянии, а ей было до болезненного

важно его сократить.

Клинок в моих руках выписал издевательское, на грани сарказма извинение. Мана потекла по клинку каплей, застывая на кончике острия будущей болью. Следом я нарисовал дразнящую, показывающую язык рожицу, и перешел в наступление.

Щеки Валерьевны вспыхнули пунцом, от неосторожно брошенной мной скабресной шутки. Она прочитала мои движения, улыбнулась и вдруг поняла, что мне удалось загнать ее в угол.

Раненый, но не поверженный Женька, не желая сдаваться, был рядом.

Учительница каллиграфии выдохнула, понимая, что у нее из этой ситуации есть только один выход.

Я ждал, что она атакует, но она решила самым наглым образом украсть мою победу.

Ее резная шпага с грохотом рухнула на пол, в сдающемся жесте Романовна подняла руку.

Взмокшая, уставшая, сейчас она смотрела на меня совершенно иными глазами.

Сокурсники зароптали. Схватка, что происходила на их глазах, началась ярко, но закончилась ничем. Заглушая гомон недовольства, гаркнул Николаевич.

Женька тяжело дышал, но был доволен – не собой, всеми нами. Знал, поганец, что мы не просто загнали нашу «старушку» в угол, а подвели к цугцвангу. Попытайся она от-

биться от моей атаки, и он пырнет ее в бок. Отразить две атаки разом в том положении, где она оказалось, было практически невозможно...

Урок закончился. Николаевич поманил пальцем – я ждал, что меня будут хвалить.

Старик покопался в карманах и развел руками – на сегодня конфеты похвалы для меня у него не было. Может, он хотел устроить мне взбучку?

– Вы показали не самый худший результат, молодой человек.

– Не самый худший? – Я не знал, чего в моем возгласе больше: удивления или возмущения.

– Да-с, Рысев, именно так. Вы разгадали... хитрость науки, которую преподает моя скромная подопечная. Но не обольщайтесь – она вам попросту поддалась.

Я завис, переваривая услышанное. Инфантер-генерал не спешил уходить, а значит, ждал реакции.

Что ж, должен был признать, что слинявшие на обед курсники сейчас вызывали у меня зависть. Пока я здесь точу лясы и слушаю о вечном, они наворачивают в столовой. Мне хотелось того же самого, а потому я решил не тянуть кота за бантик и сразу перейти к делу.

– Я сделал что-то не так? Ошибся?

Инфантер-генерал кивнул.

– Она во много раз сильнее вас. И была уверена в своей победе. Она сдалась не потому, что вы зажали ее в угол, про-

сто чтобы вырваться из захвата ваших тисков, ей пришлось бы вас покалечить.

– Не понимаю своей ошибки. Не стоит загонять противника в угол?

Николаевич склонил голову, дивясь моей недогадливости.

– Отнюдь, Рысев, отнюдь. Проявите фантазию-с. Евлампия Романовна преподавала вам только что урок – не всякое сражение стоит заканчивать кровью. Иногда победу у врага можно украсть иным путем.

Он уходил, ковыляя, а я смотрел ему вслед...

Глава 3

Наш курс был вне себя от восторга. Избитые на уроке каллиграфии всего лишь одной женщиной, мы чувствовали себя до бесконечно легко и свободно. Будто с каждым ударом, что она наносила нам, с каждым поражением она выколачивала из нас все остальные заботы, оставляя место лишь одному – умиротворению. Даже униженный Орлов ходил с каким-то странным, загадочным видом только что просветившегося человека.

Я же ощущал себя немного иначе – победа над Евлампией далась мне далеко не малой кровью. Признав во мне равного ей соперника, она не сдерживалась и била что было сил. Меня же вело одно лишь сплошное наитие, а я чувствовал, что сумел ее одолеть лишь потому, что она попросту выдохлась и устала.

Перед глазами до сих пор стоял тот момент, когда она

споткнулась и упала. А ее шпага заскакала по полу. Тогда я почуял на себе внимательный взгляд Николаевича – старик будто желал узреть, что я сделаю дальше. Сумею ли остудить юношеский пыл, сдержать удар и вовремя остановиться? Уверен, у него был на этот случай какой-нибудь прием. Впрочем, Романовна и сама оказалась не промах, когда я протянул ей руку помощи. Запястье до сих пор болело от проведенного ей захвата. Вздурораженная, горячая, но все столь же легкая на подъем и задорная, она горячо шепнула мне, что помогать противнику – большая глупость.

Разминая запястье, я был с ней полностью солидарен.
– Это было непревзойденно!

Не участвовавший в общей потасовке Дельвиг не чувствовал себя хоть сколько-то ущемленным. Наоборот – вышагивал впереди, будто чрезмерно впечатлительный ребенок. Он держал себя в руках. Но я так и видел, как он больше всего на свете желает выхватить мнимую шпагу и размахивать ей не хуже, чем я сам. Уверен, это обязательно ляжет новыми строками на его стили или будущий рассказ. Не раз и не два я просил его дать мне почитать, что же он там такого написал, но он всякий раз то сказывался занятым, то обещал дать потом, когда закончит. Ибо половину работы показывают лишь дураки, а он разве такой?

На этот довод мне нечем было возразить. Жека шел мрачнее тучи – если бы не его длинный язык, то этого представления не было бы и в помине. Хотя больше чем уверен, что

спроси мы сейчас любого старшекурсника – и они расскажут, что все они проходили подобный урок рано или поздно. В плывущих мимо нас фигурах будущих офицеров я видел лишь боксерские груши, до отказа забитые тайнами офицерского корпуса – стоит их лишь хорошенько встряхнуть, как они выдадут все и вся.

Я ткнул Женьку кулаком в плечо, желая его подбодрить.

– Ты чего скис, дружище?

– Да так... – Он как будто не желал с нами разговора, а плелся рядом лишь за компанию.

– Господа, вы знаете... – вдруг задумчиво проговорил Дельвиг. Я узнал это его придыхание – с таким он готов был сообщить нам очередную важную весть в его жизни. Возбужденно он вещал нам о начале своего нового романа, столь же одухотворенно говорил, что копит деньги, чтобы открыть собственный издательский дом, отдельный от отцовского дела. Хочет издавать литературу – новую, молодую и живую! Сейчас я ждал чего-то в этом же духе.

Но, видимо, день подкидывал один сюрприз за другим, и даже толстяку было чем нас удивить.

– Дай-ка угадаю, – не без раздражения, будто желая все испортить, буркнул Женька. – Ты сочинил новый стих и обязательно хочешь зачитать нам его первые строки?

– Лучше! – с горящими глазами и выставив перед собой ладони, не пряча радостной улыбки, заявил Леня. Он будто в самом деле не видел сарказма на свой счет, в детской на-

ивности принимая чужие насмешки за интерес. Мы переглянулись с Женькой, но так ничего и не сказали.

Толстяк же задрал рукав и продемонстрировал нам яркую, проявившуюся там отметину. Глаза Лени пылали восторгом – он будто представлял нам свой магнум опус и ждал чистого восхищения. Жека закатил глаза, я же оказался не столь жесток к наивности нашего друга.

– Ого! И кто же он? Кто-то из твоих знакомых литераторов? – Я попытался представить того, кто решился пойти за Дельвигом в те самые огонь и воду, которые нам обещали едва ли не на каждом уроке. – Или какой-нибудь художник?

– Это скрипачка, – гордо задрав голову, заявил он. Я вскинул бровь: удивился, скорее, тому, что Дельвиг сумел отыскать девушку, согласившуюся стать его первой подопечной. Жека же, кажется, был куда больше в курсе, чем я, а потому оживился.

– Та самая японка? Которая была у тебя в гостях год тому назад?

– Да, Евгений! Именно она! Честно говоря, я не ожидал ничего подобного, но она по своей воле приехала со своей родины и предложила стать моей первой подопечной.

Я закусил губу. Что ж, в мире полно дев, желающих видеть подле себя пусть и неказистого, круглого, как глобус, но романтика. Осознавал ли, что «быть его подопечной» азиаточка желала совершенно в ином смысле, чем понимал Дельвиг, я спрашивать не стал. Посчитал, что это будет слишком низ-

ко с моей стороны.

– Я хотел бы вам представить ее завтра. Она будет давать благотворительный концерт в «Театре».

– В театре? – переспросил я? Мне показалось, что первую букву жиртрест попросту проглотил. Тот же, словно подтверждая мою догадку, старательно закачал головой.

– Именно, что в том самом театре. Вы пойдете со мной?

– Буду рад, – отозвался Женька. Дельвиг перевел полный надежды взгляд на меня, будто только моего одобрения во всем и ожидал. Я выдохнул и согласно кивнул – отказывать в такой малости? Главное, подумалось мне, чтобы сам Сатана не решил воззвать к моему долгу перед ним в этот самый момент. Или чтобы Орлов не назначил на этот день ту самую злосчастную дуэль.

– Тогда встретимся на этом же самом месте, друзья, завтра после занятий. У вас есть какие-нибудь планы на сегодняшний вечер?

– У меня как всегда, – выдохнул Женька, – буду искать своего подопечного и дальше. Увы и ах, но в этот раз неудачником среди нас оказался только я. Но буду рад увидеть твою подопечную завтра вместе со всеми вами.

– Федор, а ты?

Я лишь отрицательно покачал головой. Не то чтобы я в самом деле был обременен сейчас какими-то заботами. Но мне следовало делать то же самое, что и Женьке – и в утроенном темпе. Как оказалось, кровнорожденные подопечные не

бегают табунами по улицам. Мне-то казалось, что я запросто при помощи ясночтения смогу отыскать того, кто подходит мне лучше остальных. Но, словно почуяв за собой охоту, тот самый избранный подопечный прятался изо всех сил, не желая попадаться на глаза. Конец этой недели грозил мне отчаянием и провалом практики – Николаевич, конечно, намекнул на еще две недели, которые даются ученику, но это ведь только в том случае, если у него нет подопечного. Я-то умудрился совершить глупость и едва ли не каждому в ухо крикнуть о своей крутости.

Теперь вот... приходилось за это расплачиваться.

Я таил надежды, что Славя, будучи ангелом, окажется той самой необычной и специально под меня подогнанной, но, как оказалось, тщетно. То ли я не там искал, то ли как-то не так.

Дельвиг выдохнул на наши отказы, но совсем не отчаялся. Я качнул головой – иногда мне казалось, что в этой жизнерадостной куче сала человеческого больше, чем в каждом здесь вместе взятом.

Откланявшись, я нырнул в туалет, осмотревшись по сторонам. Молодчиков Орлова ничуть не боялся, но это ведь не значило, что следовало давать им повод. Да и просто быть осторожным никогда не помешает.

Я распахнул дверцу кабинки, и в тот же миг резко отпрянул назад, столкнулся с старшекурсником, жутко спешащим облегчить бременное тело. Он удостоил меня всего лишь пре-

зрительного взгляда, но промолчал. Через мгновение я услышал тихий вздох долгожданного высвобождения.

Биска восседала на унитазах, словно королева, закинув ногу на ногу. Ей разве что не хватало короны и регалий. Я усмехнулся – да уж, ей бы очень даже пошло.

– Лучше места найти не могла? – тихо и шепотом спросил у нее. Наш негаданный свидетель не обратил на мое бормотание никакого внимания, заспешил прочь – мало ли чего этому младшекурснику еще в голову взбредет? Унитазов пугается, людей спешащих толкнуть норовит – ну его в дупу...

Правильно. Ну меня в самую дупу, так спокойней.

– Не могла же я ждать, когда ты поскачешь сайгаком в свою разлюбимую комнатнушку.

– Могла бы хоть как-то намекнуть.

– И вылезти из лампочки или радио, чтобы ты наложил в штаны? Нет уж, лучше в том месте, где тебе не грозит оконфузиться.

Как ни крути, а смысл в ее словах был. Я закусил губу: дня три или четыре назад, когда мы предавались плотским утехам, я попросил чертовку об услуге – глянуть, как там Майка? После нашей ночной вылазки она как будто снова исчезла с радаров. Я ждал, что она пришлет весточку или передаст вместе с Алиской какое письмо, но ни слуги, ни горничной-велеса. Я бы не отказался погладить последнюю по голове, ощупать ее пушистый хвост...

– Узнала? Есть новости? – Я требовал от Биски отчета здесь и сейчас. Ухмыльнулся – как будто бы мы были в каком-нибудь дрянном шпионском фильме. Не хватало только обменяться паролями и назначить следующую встречу.

Биска устало покачала головой, привычным жестом потерла рога.

– В порядке твоя Майя, ничего с ней не случилось.

– Слава богу, – вырвалось у меня со вздохом облегчения, бесовка тотчас же нахмурилась.

– Как грубо.

Ей не нравилось любое упоминание святых в ее присутствии. А уж как она морщила свой маленький носик, когда учуяла, что я неплохо провел время с ангелицей – описать невозможно. В ней бесились ревность вперемешку с дикой завистью.

– Отец прознал про ее ночную вылазку. Сложил два и два – мы сверкали огнями на весь город. Я не знаю, что ему рассказали. Но он решил лишить ее свободы.

– Заточил в башне, заставил выращивать бесконечно длинную косу? – позволил себе горькую усмешку. Дьяволица лишь часто закачала головой в ответ.

– Нет. Но вместо домашнего ареста определил ее в Институт Благородных Девиц, в котором она и без того учится. Запретил ей вылезать из него на протяжении месяца. Этакий домашний арест. Сейчас вон лежит, рыдает, всю подушку слезами залила.

Я закусил губу.

– А Алиска?

– Про лисичку разговора не было. Хочешь знать, что с ней, сходи как-нибудь сам. Если, конечно, Тармаев-старший не выгонит взащей. Старик зол на тебя так, что готов порвать вручную при встрече. Неужели у вас можно заслужить к себе такую ненависть, просто кого-то трахнув?

Я подозревал, что дело в другом, но высказывать вслух не стал.

– А Ночка? – Судьба несчастной коровки, жутко пострадавшей от наших пыток все никак не выходила у меня из головы. Одно дело, издеваться над разбойниками, насильниками и убийцами, и совсем другое – над девчонкой, едва ли понимающей, что ее используют.

– А что с ней? Провалилась в свойственный ее сородичам восстановительный сон, вот только вряд ли проснется. Руки-ноги назад не отрастают. Честно говоря, не понимаю, чего ты о ней решил спросить. Вам следовало бросить ее в ближайшей канаве и забыть о ней, как о дурном сне.

– С чего у тебя вдруг к ней такая лютая ненависть?

– Как грубо. – Ей не понравилось то, что я сказал, и она на миг зажмурилась, снова схватилась за рога. – Она служила святочертому. Если бы не ее грехи, Иоганн бы так никогда не разросся.

Вот уж о чьей судьбе я несколько не волновался, так это о его. Верил: что бы с ним ни вытворяла Биска, он это точ-

но заслужил. Я закусил губу, привалился к стене кабинки, зажмурился. Все летело к дьяволу под хвост. Мне хотелось резкого развития событий, встретиться как можно скорее с своей двоюродной сестрицей через Майю. Вызвать, какие у нее ко мне претензии, раз она намалевала то письмецо и заплатила за мое убийство. А теперь получалось, через Майю это осуществить невозможно, нужно искать другие способы.

– Ну ладно, я пойду, – сказала Биска, вертясь от нетерпения. Мое молчание сумело ее утомить, а послушно ждать, что я скажу еще, ей было попросту не под силу.

– Стой. А это что? – ткнул в свежий шрам на ее плече. Я мог поклясться, что еще позавчера его не было. Либо моя подручная чертовка – мазохистка, либо кто-то ее постоянно и ежедневно истязает. Мне было чертовски жаль, как бы смешно это ни звучало, что ясночтение ничем не способно мне помочь в этом.

– Иди уж, герой-любовник. Оставь хотя бы частицу моего тела мне самой, хорошо?

Она вдруг встала – я ждал, что будет делать дальше. Нырнет в унитаз или закружится вихрем, скользя в горящую над нашей головой лампочку? Вместо этого, покачивая красивыми бедрами, подразнивая раскачивающимся хвостом, она решила меня удивить и выйти через дверь.

Я вышел за ней следом мгновение спустя, выдохнул. После той схватки с Романовной хотелось принять горячий душ и хоть немного поваляться в кровати. Нарастающий на боках

жир требовал дань в виде лени, и, должен признать, я готов был поддаться его зову.

Шестое чувство, спешащее ко мне, словно к человеку-пауку в момент крайней опасности, вонзило в меня свое жало, стоило коснуться ручки двери. Я облизнул губы, готовый увидеть что угодно. Словно назло, петли двери противно за скрипели, выдавая меня с потрохами. Решив не ломать комедию и дальше, толкнул дверь посильнее, желая ворваться внутрь и учинить непрошеным гостям самый настоящий экстерминатус. Хоть сейчас и не ночь, но у меня все еще было немало сил, чтобы задать кому угодно хорошую трепку.

Внутренний демон, притихший после того, как лев из святых чернил сумел намять ему бока, сейчас снова ликова-вал и жадно потирал руки. Схватка с какой-то там девчонкой, пусть и очень даже хорошим с клинком, не могла насы-тить его кровожадного нрава. Ему хотелось больше свободы, больше крови, больше смерти.

Случившийся внутри его облом едва ли не громким хру-стом затрещал у меня в ушах. Там, где ему хотелось видеть десяток вооруженных до зубов убийц и головорезов, он уви-дел лишь крохотную, едва ли больше миниатюрной куколки фигурку.

Словно фея, она кружилась над столом не ведая покоя и не находя себе места. Крыльев у крохи не было. Сама она больше напоминала неясный поток света, от которого хочет-ся зажмуриться. Лишь хорошенько приглядевшись, можно

было узреть миниатюрный девичий силуэт.

Лучик, ответило на мой немой вопрос ясночтение. Создание первого уровня, разумное.

Разумное, значит. Уже неплохо. Вспомнилась та самая малютка, которую здоровяк хотел запихнуть в мотоцикл. Ее свобода была моим пропуском к спасению, о чем я ни разу не пожалел.

Эту можно было принять за нее – будто она могла запомнить мое лицо и вернулась с благодарностью, но я через мгновение понял, что она совершенно другое.

Ясночтение еще никогда на моей памяти не спешило называть живых существ созданиями. Более странным было, что над ее фигуркой я увидел разухабистые, полупрозрачные иконки того, из чего же она состояла. Субстанция ангела, солнечный свет, святые чернила.

Она, заметив меня, обрадовалась. Неумело выражая переполнявшую ее гамму чувств, не в силах озвучить ни слова, она выписывала передо мной один пируэт за другим.

– Ну привет, – сказал ей немного хриплым голосом, закрывая за собой дверь. Шустрым шагом прошел и зачем-то задвинул штору, захлопнул окно.

– У тебя есть имя? – Мне казалось, что я говорю с пустотой. Чертеноч, мирно сопящий у лампы, зря жевал свой хлеб – почему он никак не отреагировал на святую субстанцию, так резво нырнувшую в мою комнату? Это, значит, кто угодно сюда как в проходной двор может шастать...

– Я буду звать тебя Нея. Тебе нравится имя Нея?

Вместо ответа она опустилась на стол, села, сложив ноги, словно турецкий султан. В ней как будто сочетались изящество Слави и сама женская непосредственность. Я пощелкал пальцем над ухом бесенка, надеясь разбудить, но ясночтение заявило мне, что он отправлен в сон. Заклинание должно было сойти с него минут через сорок – видимо, моя знакомая ангелица не желала отпускать свою подопечную совсем уж безоружной. Я на миг представил, как эта кроха тащила ношу ее сообщения в себе – в мире, где полным-полно злых чертей. И могли ли ее поймать птицы?

Я положил рядом с ней ладонь, как будто приглашая на нее сесть. Девчонка ничего не поняла и лишь коснулась руками моих пальцев, потерлась о них головой, словно кошка. Снова вспорхнув, она вдруг лопнула, заставив меня отпрянуть и часто заморгать. Ее тело обернулось золотистой нитью, поначалу вытянувшейся в струю. Если бы я кому рассказал, мне бы ни за что не поверили. Линия изгибалась, разрываясь на кусочки, обращаясь в буквы. Я закусил губу, на миг представив, что извечно беспокойный Дельвиг решит навестить меня прямо сейчас. Или Женька вдруг решит, что его подопечная прячется если не в моем шкафу, то уж точно под кроватью.

Я прогнал лизнувший страх пинками, принялся читать.

Славя звала меня явиться в церковь. Холодная воочию, она была столь же холодна в словах. Мда уж, писателя из нее

точно не выйдет – читатели издохнут от скупости предложения на втором. Или на третьем.

Я кивнул письму, будто давая знак, что все понял. К моему удивлению, оно начало таять в воздухе, рассыпаясь мелочью искр. Я накинул на плечи китель, застегивая одну пуговицу за другой, как вдруг остатки сообщения хлопнули. Миниатюрная дева как ни в чем не бывало покачивалась в воздухе. Покачав головой, будто очнувшись от сна, она заметила, что я ухожу. Резко нырнула в мою сторону, кружась над головой – ей как будто не хотелось, чтобы я уходил без нее. Что ж, кивнул ее желанию и приоткрыл клапан бокового кармана. Девчонка юркнула в него, словно мышь, спокойно улеглась и затихла.

В церковь, значит. Нашла Славя тех, кому принадлежал лев. Что ж, следовало бы постучать самого себя по лбу – не я ли ныл там недавно про то. Что стало как-то скучно без приключений? Вот тебе, дружище, ешь с обеих ложек!

Глава 4

Я выскочил наружу, стараясь не столкнуться с новыми знакомыми. Неделя в офицерском корпусе не прошла даром. А я хранил традицию давних времен – самое крепкое, что есть в мире, – это школьно-университетские связи, которые еще не раз и не два из любой жопы вытащат. Пара слов тут, шутка там, вовремя рассказанный анекдот – и из темной лошадки для остальных ты превращаешься если не в друга, то как минимум в своего парня.

Я старательно избегал мажорчиков, кто спешил лизнуть зад Орлову: с этими мне точно говорить было не о чем. Может, сами по себе они ребята и неплохие, но явно катятся незнакомой мне дорогой.

В кармане болталась Нея, я придерживал ее ладонью, боясь раздавить. В кобуре под кителем ждал своего часа пистолет – кто бы мог подумать, что можно вот так запросто купить короткоствол и никто не задаст лишних вопросов? Интересно, что скажут Белые Свистки, если найдут его у меня? Честно признаться, только сейчас задумался над этим вопросом – ведь никаких документов у меня по-прежнему не было. Кроме, конечно, некоего подобия паспорта – закристаллизованная бумаженция, изрядно пообтрепавшаяся по краям. Кондратьич вручил ее мне дня два, а может, и три назад, велел никуда без нее не выходить. Я ему кивнул, носил там же, где и подписанный в аду контракт.

К счастью, Белым Свисткам я был побоку – у них и без меня хватало дел. Встревоженные, будто ужаленные осами, они раздраженно всматривались в лица, будто злоумышленника по одной лишь роже можно определить.

Петербург оказался бандитским не только в родном мне мире – здесь он хранил традицию, изрядно отдавая ей дань. Следом за нападением на главу инквизитории, Василису Егоровну, последовало затишье, сменившееся тем, что грязные улочки нищих кварталов стали заполняться трупами. Там мальчонка, тут девчонка, здесь еще кто-нибудь. Город

замер в ожидании следующего преступления – мамыши прятали детишек под юбку, продавцы оружия накидывали цену на свой товар. А Белые Свистки... ну, им, как это заведено, вставили пистон – и начальство, и общественность, и даже лично губернатор. Газеты разве что не крали друг у дружки текст, перепечатывая одно и то же, переливая из пустого в порожнее.

Я же наконец вдохнул полной грудью – впереди меня ждала очередная встреча со Славей. Хотелось снова заключить ее в объятиях, немного потискать. Ладно, сказал я самому себе, с этим как-нибудь успеется.

Инквизиторий – их группа дежурила с самого моего первого дня – уныло и скучающе рассматривал протянутые мной бумаги на выход. Ему хотелось поскорее вернуться домой, принять ванну, выпить чашечку чая и завалиться спать, а мы тут, словно назло его сонливости, шныряем туда-сюда как тараканы...

Выдохнув, он поднял шлагбаум, качнул головой, давая проход – бдительная стража осмотрела меня с ног до головы, но не заметила ничего подозрительного.

Поначалу я боялся, что среди них найдется какой-нибудь ретивый молодец, что заподозрит во мне того самого полудемона. Егоровна-то, конечно же, знает, для нее это не станет новостью. А вот если здесь и на виду у всех устроят шоу-представление, моя репутация явно пошатнется даже в глазах Дельвига, не то что остальных.

А если они еще и узнают, что у меня появились способности жнеца... Думаю, тогда Орлов точно решит отменить дуэль – не станет со мной попросту связываться.

Полученный свежий уровень там, в храме, под присмотром Слави, после транса отблагодарил меня новым дополнением к классу. Такими темпами я стану скоро ниндзя-пиратом-зомби-киборгом...

Свободные очки навыков я распределил среди лидерских умений. Одарил самого себя умением чарующей улыбки – помогала добиться своего, закинул парочку очков в харизму для ее открытия. Оставшиеся очки достались все той же ловкости и пассивке, ловкость же повышающую. Я с содроганием вспомнил образок, который мне подарили в храме – я временно решил его выложить. Вещица пускай и уникальная, с необычной способностью, но она взяла гадкую привычку добавлять мне свой бафф в самый неподходящий момент. Лог долбил меня сообщениями о смене характеристик, о том, что мной получен свежий эффект, что эффект прошел...

Будто учась у самого Сатаны, образок спешил добавить мне пару очков интеллекта для ночных размышлений во время сна и норовил одарить излишней ловкостью, когда я тушился на толчке.

Я решил, что разберусь с этим безобразием немного позже, вот только как? Могла знать разве только что сама Слава.

Дня два назад я пытался зайти к ней сам, спросить – как

дела, не было ли продвижения и успеха в общих поисках, на что получил грубый, холодный ответ – ангел разве что не вышвырнула меня взащей. Бабулька, вручившая мне образок, глядя на мою нерешительность, лишь вздорно, словно молодка, вскинула носик и одарила уничижающим взглядом – мол, неча тут всяким нетерпеливым рассказывать, пшел!

Я и пошел, что делать-то оставалось. А сейчас ангелица аж расщедрилась породить Нею только ради того, чтобы пригласить меня к себе. Дело обещало быть опасным, заволаживающим и грандиозным – как я и мечтал.

При мысли о последнем захотелось сплюнуть. Прав, может быть, Кондратьич, что я не думая голову в самое пекло пихаю. Может, надо быть вдумчивей и осторожней? Уверен, доложи я старику о своих терзаниях, он одарит меня всего лишь одним вопросом – а чего ты, конкретно, барин, отыскать хочешь? Чего добиваешься? Справедливости?

Ответа, пожалуй, я не знал и сам.

Я шмыгнул мимо Института Благородных Девиц, угрюмо выдохнул – если верить словам Биски, то где-то там от скуки томится Майя. Может быть, я и не испытывал к ней того самого неприязненного чувства под названием любовь, не поддаваясь его пьянящему плену, но скучал по девчонке. Огненная дочь Тармаевых явно сумела запасть мне в душу, да и вместе мы наворотили немало дел. А еще Алиска...

Я прикусил губу, едва разум нарисовал ее образ. Рыжая обнаженная лисичка с пылающим клинком наперевес в по-

следнее время любила захаживать в мои сны. А я все больше и больше испытывал желание самолично проверить – на месте ли все ее соблазнительные бугорки и ложбинки?

Из размышлений меня вырвало стойкое ощущение опасности – словно натянутая струна, оно звенело, давая мне сигнал. Я напрягся, вдруг остановившись, принялся озираться. Схватиться за пистолет? Но что тогда подумают прохожие?

Ответить самому себе на этот вопрос я не успел – в мои уши врезался противный визг тормозов. Пузатый фургон Белых Свистков остановился рядом со мной, разве что не сверкая сигнальными фонарями. С гулким грохотом распахнулась дверь. Разодетые в белые мундиры бойцы правопорядка выскочили прямо передо мной с дубинками наперевес.

– Господа, в чем дело? – успел выдавить из себя – отвечать они не спешили.

Вместо этого один из них посмел опустить на меня занесенную для удара дубинку – чтобы тотчас же получить от меня зуботычину. Дьявольская эгида сама поглотила урон. Мысленно я пожелал призвать тень, но не успел. Сразу трое они накинулись на меня – под грузом их тел я попросту повалился наземь. Клапан кармана раскрылся, Нея заспешила прочь, чудом избежав грозящей ей смертью давкой.

– Ах он сука! Вяжи его, падлу! – Пытавшийся вправить выбитую челюсть полицейай плевал вязкой, липкой слюной, зло сверкая глазами. Кровь, идущая из носа, заливала лицо, ладонь и белизну формы.

К нам было приковано три десятка любопытствующих взглядов. Мальчишки-беспризорники из подворотен внимательно смотрели за происходящим – и часа не пройдет, как об этом узнают все, кому надо и не очень.

Мне заломили руки за спину, мое сопротивление было бурным, но абсолютно бесполезным. Ноги служителей правопорядка колями впивались в мои бока, трескали ребра, легкие готовы были взорваться. Поддавшись естественному рефлексу поверженного, я пытался сжаться, стать как можно меньше, защищая лицо и живот – не помогло.

Сталь наручников захлопнулась на моих руках, лишая возможности действовать. Тело стонало, прося передышки – били со знанием дела, пытаясь выколотить все желание сопротивляться.

– Что происходит? Мы будем жаловаться! – вопила какая-то бабулька с балкона, выронившая поливальник. – Прямо посреди улицы, разве так можно, на глазах у детей?

Побитый мной полицейский погрозил ей кулаком, как будто обещая старой перечнице, что она вполне может стать следующей.

Меня, словно мешок, зашвырнули в фургон. Сидевшие внутри полицейские уже держали наготове веревку для моих ног. Фургон резко рванул с места, я почти слышал, как завыл от боли бес внутри – ох и несладко же ему пришлось. Тащить и на себе такую-то махину...

Словно побоев было мало, едва меня усадили на лавку,

дали затрещину. Здоровяк, орудовавший больше остальных, вдруг хищно ухмыльнулся, а я понял, что уже видел его.

Как и сидевшего передо мной человека.

Он не изменил самому себе – выглаженный костюмчик, хорошая укладка волос, добродушная, располагающая к себе улыбка.

Проблемы, о которых мне говорил Кондратьич, только что подъехали. Я лишь ухмыльнулся, отрицательно покачав головой – знал же, что наша встреча рано или поздно состоится. Но не ждал, что при таких обстоятельствах.

Пытавшиеся выкупить у нас с Кондратьичем кортик бандиты сейчас были передо мной во всей красе.

Крепкие, знающие руки шмонали мои карманы, вытаскивая их скудное содержимое.

– Это что такое? – Здоровяк с бараньими рогами нащупал у меня кобуру, вытаскивая из нее пистолет. – Ствол, шеф, ага. Представляете? Может, вальнем его из него же – скажут, самоубийство...

– Ума, как погляжу, у ваших дуболомов не прибавилось, – отозвался я. Велес, обиженный моими словами, подтянулся, замахнувшись для очередного удара, но ему дали знак опустить руки.

– Он прав, Коленька. У тебя не только бараньи рога – содержимое головы точно такое же.

Здоровяк засопел, садясь на место, обиженно насупился. Хитрюга решил пояснить, повертев мой пистолет в руках:

– Если убить его здесь, какое же это самоубийство? Все прекрасно видели, что его забирали Белые Свистки, а потом р-р-раз – и застрелился? Вопросы пойдут. Ты хочешь, чтобы были вопросы?

– Нет, шеф, – угрюмо и виновато буркнул великан и замолк.

– Здравствуйте, князь. – Посланец Старого Хвоста, наконец, повернулся ко мне, положил волюну на миниатюрный столик. Фургон, еще мгновение назад взявший цель догнать адских гончих, теперь скучающе переваливался по дороге. Я не видел сквозь зашторенные окна, куда меня везут. Но терзали жуткие сомнения, что пункт назначения приведет меня в неопиcуемый восторг.

– Я не поздоровался при встрече, а это, как-никак, не вежливо. Вы так не думаете?

– Иди к черту, – с усмешкой ответил ему. На меня смотрело четыре угрожающих рожи, разодетых в костюмы Белых Свистков. Уж не знаю, где они сумели все это достать, но мой мастер-слуга точно был прав: административные возможности у них и в самом деле богатые.

Жаль, что методы как были разбойничьими, так ими и остались.

Хитрюга передо мной сидел, закинув ногу на ногу, в барской, повелительной позе. Так сидят хозяева не только своей, но и твоей судьбы. Он склонил голову набок, насмешливо погрозил мне пальцем.

– Вы перешли своими выходками и словами дорогу тем, кому не следовало. Рысев, может быть, этой маленькой демонстрации вам достаточно?

– Вам нужен кортик? – спросил, на что мне мягко показали головой.

– Старый Хвост не отбирает у стариков купленные игрушки. Теперь ему уже не нужна железка, он хочет вашу голову. Или, точнее сказать, вашей боли.

– Ты не ссысь, паря. Мы тебя всего лишь немного поломаем в разных местах. Делов-то. Поболит-поболит да перестанет. Агась?

– Я ученик офицерского корпуса, – решил пойти издалека и сослаться на то, что должно было служить защитой по словам Кондратьича-же.

Если оно и служило защитой, то точно не от этих ребят. Мне ответили дружным гоготом. Мерзавчик-хитрец позволил себе ухмылку, закинул ногу на ногу.

– Что же вы, князь, так резко перешли к угрозам? Когда были в чуть иных обстоятельствах, вы готовы были рвать и метать, низвергнуть на наши головы кары небесные. А теперь желаете спрятать свой нежный, юношеский пушок за воротами учебного заведения. Не ай-яй-яй ли?

– Легко говорить с тем, у кого связаны руки. – Я вернул ему усмешку. Тот ей подтерся и пропустил мимо ушей.

– Всякий из вас, благородных, чтит себя пупом мироздания. Там, на улице, под защитой закона, вам кажется, что вы

безнаказны...

– Не знаю, что у тебя за дела с благородными, но это ты пытался выкупить у меня клинок, и выслал наперед двух ду-боломов, дабы они меня припугнули. Будь у тебя возможность не платить, ты бы с радостью прикарманил деньги себе. Старый Хвост-то, поди, куда больше велел заплатить, чем ты мне предлагал?

Он тяжело задышал – кажется, мне удалось задеть его самолюбие и честь, но ответить ему было нечем. Сквозь пелену благочестия в нем пробуждалось бешенство.

– Ничего, юный князь, – выдохнул он, вдруг расслабив плечи и поудобней устроившись на сидении. В конце концов, это я связан, а он везет меня на расправу. Что-то подсказывало, что сейчас я в самом деле оказался в невыгодном положении. Будь сейчас ночь, все было бы гораздо лучше. Я бы расшвырял этих паршивцев, как кегли.

Может быть, стоит позвать Биску?

Я покачал головой, прогоняя вполне разумную мысль. Глупость, царствовавшая на троне здравого смысла, подсказывала, что если бы меня хотели убить, сделали бы уже. Много ли надо, чтобы придушить человека в закрытом фургоне? Да и застрелить меня из моего же ствола – не такая уж и глупая затея. Как-нибудь бы отбрехали – сумели же они как-то раздобыть и автомобиль Белых Свистков, и их форму.

Если оно все так, то скверно. Я пожевал губы, проворачивая в голове мрачные думы о том, что делать дальше. Одно

знал точно: прощения просить не буду.

– Ничего, юный князь, – повторил посланник Старого Хвоста, выдохнул. – У нас с вами еще будет возможность поговорить. С глазу на глаз и без, как вы выразились, дуболомов. Желаете?

Я просмотрел его ясночтением. Уровнем он всяко был выше меня, характеристиками тоже. Возраст, правда, нещадно откусывал добрую десятину, обещая с каждым годом наращивать аппетит. Но даже так выходило немало.

Под рубахой он прятал сталь мышц и толщину бицепса: силой его природа не обделила, как и интеллектом. Я горько усмехнулся – в голову полезла пошлая мысль, что если у него тут все так распрекрасно, то пиписька, должно быть, маленькая.

Ребячество.

– Куда же вы меня везете?

– На твои похороны, дружок, – гаркнул в ответ велес, едва не уткнувшись в мой лоб рогами. Ему казалось, что я испуганно попытаюсь закрыться. Качнул головой. Когда запугать меня не получилось – подивился. То ли моей бестолковости, то ли отваге.

А может быть, и тому, и другому разом.

Хорошая городская дорога сменилась ухабами слишком быстро – вряд ли меня вывезли за пределы города, но мы наверняка катим по нищим кварталам города. Бедность, к который я привык с самого детства в голодных девяностых,

спешила за мной по пятам. И как только в посмертии мне удалось вырваться из жадных объятий, она спешила снова загнать меня на свою территорию.

Машина качнулась, сбавляя ход, закрипели старые, давно не ведавшие смазки тормоза. Пузатый фургон неохотно парковался. Мерзавчик достал из своего запаса свежую, ранее невиданную, заготовленную для одного лишь меня ухмылку. На миг стало не по себе – показалось, что вместо разухожистого гангстера на меня хищно лыбится мерзкая, лысехвостая крыса.

– Приехали, юный князь! – Он возвестил это как лучшую весть за последние несколько дней. Здоровяк-велес с бараньими ногами схватил меня за шкурку и, едва только хлопнули открывшиеся дверцы, вышвырнул, будто кусок мяса.

Тело заныло от боли: бетонный пол такой себе материал для мягких приземлений. Перед глазами на миг сверкнуло лезвие – острозаточенная сталь вспорола веревки на моих ногах, заныла ушибленная икроножная мышца. Я поспешил тотчас же оказаться на ногах, но огромной тяжестью на мои плечи легли руки, прижимая к земле.

– На колени перед Старым Хвостом! – басовито возвестил голос здоровяка. Я закрипел зубами: чтобы я, да на колени, перед каким-то бандитским прощелыгой?

Старый Хвост был в лучших традициях Крестного отца: бесконечно стар, с уставшим взором чуть прикрытых глаз. Пушистый, больше похожий на дубину хвост раскачивался

из стороны в сторону за спиной. Чуть приподнятый нелепого вида котелок на голове, из-под него торчали мохнатые кошачьи уши. Усы из-под носа струнками торчали в стороны. Старик стоял надо мной, словно повелитель моей судьбы. Жирный кошара, далекий собрат велеса-бандита покоился на его руках, жмурился, с охотой принимал даруемую руками ласку.

Думал, что он скажет хоть слово, что вдруг повисшую тишину вот-вот разрежет хриплый глас. Он же ожидал от меня, что я, едва увидев его перед собой, не просто паду на колени, но утоплю самого себя в ничтожных извинениях. Рассыплюсь в мольбах о пощаде.

Что ж, не очень люблю расстраивать стариков, но этому придется смириться с реальностью. Рывком нагнав в мышцы демонических сил, я встал, спиной отшвырнув от себя разбойника – тот, нелепо попятившись, грузно завалился на пятую точку. Оскалившись, я рвал путы за спиной. Опешившие бандиты бросились на меня, желая удержать спешащего из меня на волю демона. Жаль, как же жаль, что не успело стемнеть – иначе бы их исход был предreshен.

Я уgomонился, когда моего лба коснулся тупой холодный ствол револьвера. Смерть из черного дула обещала быть быстрой и почти безболезненной. Старый кошак смотрел на меня исподлобья, будто на злейшего врага. Он не привык к неповиновению и к тому, что кто-то смеет сопротивляться.

Я выдохнул – лучше попробовать еще раз чуть позже, чем

попросту сдохнуть сейчас. Мерзавчик коснулся плеч старика, словно желая его успокоить, что-то жарко зашептал ему на ухо. Старик кивнул и тут же отвесил мне затрещину пистолетной рукоятью. Во рту появился металлический привкус, я выплюнул остатки зуба. Получилось, наверное, даже лучше чем хотелось. Метил в пушистого поганца, а попал в улыбчивого мерзавчика. Плевок кровавой полосой лег на его белоснежный костюм.

Расстроившись, он покачал головой, цокая языком и погрозив пальцем.

– Несносный мальчишка, – наконец, заговорил он. – Если бы ты проявил уважение к старости нашего патрона, то, как знать, он, может быть, и простил бы тебе твою прошлую дерзкую выходку. Но вместо того чтобы одуматься, ты решил, что все еще возишься где-то среди сверстников в вашем благородном детском саде.

Он выдохнул, отошел, а меня посетила неоднозначная мысль. Они сколько угодно могут заверять, что эта старая развалина с не по возрасту пушистым хвостом и есть тот самый Старый Хвост, при упоминании которого даже Кондратьич вздрагивает, да вот только что-то подсказывало, что этот титул принадлежит совсем другому человеку.

Или не человеку.

– Ага, как же смело говорить с тем, у кого руки связаны за спиной. Меня ведь тут целый один, а вас всего лишь с добрый десяток, не считая вашего блохастого... за кого он тут

у вас? За домашнюю скотину? Чешете ему за ушком перед сном?

Я чувствовал, как у старика сдают нервы. Что ж, если давить на больные мозоли, то лучше идти до конца – на пути не останавливаются.

– Эй, ушастая погань! Как там тебя зовут? Дранный Хвост? Хреновый из тебя бандит, раз ты так запросто готов потерять голову от слов такого наглого мальчишки, как я. А может, ты попросту боишься? Потому что в одиночку-то я скрутил бы тебя в бараний рог. Но я знаю, что тебя может успокоить. У меня там в кармашке клубок шерсти завалился – может...

– Довольно! – Голос Старого Хвоста оказался на редкость грубым и неотесанным. Никакой старческой хрипотцы, только басовитая брань. Таким гласом обычно приказывают расстрелять перед строем или повесить. Палач бы из местного криминального авторитета получился отменный.

Палачом он быть и собирался.

– Я уже говорил вам, юный князь, как меня зовут? – Мерзавчик вдруг выступил вперед. Я покачал головой в ответ.

– Мне вполне хватает ума, чтобы понять, как тебя зовут на самом деле. Ты притащил вшивую кошку – на какой только помойке ты его откопал? – чтобы выдать его за Старого Хвоста. Вот только он мало чем отличается от простого бандита. А вот ты...

Мерзавчик кивнул в ответ, словно принимая правоту моих слов.

– Ну раз уж вы во всем так прекрасно разобрались, юный князь, то позвольте мне рассказать, что вас ждет.

– Надеюсь, что девки, горячий ужин и теплая постель. Найдется что-нибудь в эдаком роде?

Истинный глава гангстеров теперь смотрел на меня без всякого намека на насмешку. Он словно давал понять, что шутки закончились и вот сейчас будет самый настоящий разговор.

Я попробовал на крепость веревки еще раз, но узлы накладывал точно не зря жуящий свой хлеб человек. Ослабить путы не удалось ни на йоту.

– Вы правы, Рысев. Я тот, кем вы меня только что назвали. Но, знаете, свою кличку я получил ведь не просто так. Вижу, вы остры на язычок и до жути жаждете пойти со мной на конфликт. Что ж, думаю, мне следует уважить ваш благородный выбор.

– Босс, может, не стоит? – Велес, только что державший меня за плечи и грозивший больше остальных, вдруг испытал нечто похожее на помесь отвращения с ужасом. Ого, а вот это уже и в самом деле интересно!

– Стоит.

Он вдруг резко выпрямился. Все тело мерзавчика заходило ходуном – наружу из-под стискивавшей одежды рвались точеные мышцы. Серая шерсть побежала по телу, прорастая прямо сквозь кожу. Гулко затрещала разрываемая в клочья рубаха, лопнули штаны. Хвост, лысый и длинный, вывалил-

ся наружу.

Такое можно было узреть разве что в фильме ужасов. Человек прямо на моих глазах обращался в гигантских размеров крысатину. Вытянулась морда, пробилась розовая, наглая точка носа. Глаза будто залило красными чернилами – без зрачков они выглядели до безумного жутко. Дикий вопль вырвался из глотки гангстера – схватившись укоротившимися лапами за разросшуюся голову, он застонал, когда наружу полезли желтые, способные перегрызть сталь резцы. Я закусил губу, ловя себя на мысли, не замешана ли здесь каким боком семейка Менделеевых. Похимичить они любители, а уж как к крыскам-то своим относятся...

– Ну как, юный князь? Я говорил ведь, что у вас будет шанс встретиться со мной лицом к лицу? А может быть, теперь лучше сказать, лицом к морде?

Мне хотелось вжаться в стоящих за спиной великанов, те же, кажется, желали сделать то же самое с ближайшей стеной. Холодный пот градом покатился по позвоночнику, рубаха мерзко прилипла к телу, в глазах заслезилось.

Коротенькие серые лапки с когтистыми пальцами сжимались, будто в желании прямо здесь и сейчас ухватить свою добычу. Голос, льющийся из недр чудовища, приводил в животный ужас. Желание бежать без оглядки проснулось во мне.

Ясночтение вопило, будто обезумевшее, крича, что рядом не просто опасность, а самая настоящая погибель.

Моих рук коснулось лезвие. Веревки, еще пару мгновений назад стискивавшие запястья, обрезанным хламом рухнули наземь, даруя долгожданную свободу.

Велес-баран, не давая и шанса прийти в себя, что есть сил отвесил мне затрещину – словно кукла, я отлетел на грудую ящиков. Здоровяк в пару прыжков оказался рядом со мной, чтобы тотчас же встретиться с каблуками моих ботинок – клинком они врезались ему в брюхо.

Его дружки были рядом. Не спеша хвататься за стволы, они полагались на силу рук. Я вскочил на ноги, принимая боевую стойку. Не знаю, как глупо в ней смотрелся, но уловил лишь ухмылки на лицах моих похитителей.

Ощущение того, что попал в ловушку, пискнуло во мне умирающей крысой в тот миг, когда я услышал шорох взведенного механизма. Земля из-под ног ушла в никуда, тьма грязного подвала добродушно приняла меня в свои объятия...

Глава 5

Это был не подвал.

Я плюхнулся в вонючую до омерзения воду. Липкой жижей нечистот она липла к одежде, водорослями цеплялась за плечи. Обнаглевший, любопытный грызун заскочил мне на голову – я схватил его поперек туловища, швырнул в гадкую воду.

Меня со всех сторон окружали влажные, позеленевшие кирпичи стен. Прутья решеток служили фильтрами, не да-

вая крупному мусору пройти сквозь них. Нечистоты единым потоком стекали по центру канала.

Канализация, вот же ж! И подумать только – скинул меня сюда не кто-нибудь, а мерзкая крыса, научившая своих подчиненных нападать толпой на одного. Ага, намекнуло мне чувство юмора, прямо как один сенсей своих черепах...

Сейчас было не до смеха. Я слышал глас Старого Хвоста, шнырявшего где-то поблизости. Шаркающее, зловещее шуршание крысиных лап по старому, выщербленному бетону.

Он знал, что делал, приказав своим парням скинуть меня сюда – неугодные находят здесь смерть. Не просто находят – становятся добычей. Благородные, привыкшие всегда и во всем быть на вершине эволюционной цепи, оказывались здесь в самом низу. Благородный дар, которому они доверяли свои жизни, подводил их перед лицом неизбывного ужаса, превращая в жуткий, кровавый обед.

Стоять в луже нечистот я посчитал глупейшим из занятий. Солнечный свет не проникал сюда, лишь тускло горели лампы – я надеялся, что среди них окажется хоть один чертенок, к родовым инстинктам которого можно было бы воззвать. Что ж, у мира было забавное чувство юмора: не знаю, какую именно энергию использовали бандиты, но уж точно не от нечистого.

Жижа норовила залиться в ботинки, мерзко хлюпала при каждом шаге. Мундир, чистоту которого предписывалось хранить не хуже чести, был изгваздан так, что даже та хозяй-

ка прачечной, куда уже сдавал его Кондратыч, вряд ли сумеет справиться.

Чем там знамениты у нас канализации? На ум почему-то одна за другой приходили неуместные новости из желтых газетенок про крокодилов, людей-кротов и даже инопланетян.

Я усмехнулся. А ведь и правда: в мире, где для того чтобы завести машину, нужен черт, в канализации может быть что угодно.

Перед лицом мелькнула размашистая огромная тень, и лишь реакция спасла от печальной участи. Тело натянуло на себя дьявольскую эгиду, спасая меня от спешивших размотать мои руки крысиных резцов.

Старый Хвост вынырнул передо мной во всей своей жуткой красе. Разинулась огромная, почти кроколиподобная пасть, из чрева ударило гнилым, практически сногшибающим духом.

Зубы несчастного как будто в первый раз в жизни коснулись того, чего они не в силах прокусить. Костяной монолит, молотивший сталь, хрустнул, пошел трещинами – не сразу осознавший случившиеся, крысолюд рывком подался назад, заюлил по земле хвостом. Боль посетила его запоздалой гостью. Подскочив, словно ужаленный, он плюнул в мою сторону, прежде чем нырнуть в грязевой нечистотный поток.

Плевок врезался в стену рядом со мной. Камень, повидавший на своем веку некоторое дерьмо, расплавился, потек, словно жидкий пластилин. Уж не знаю, что там за дрянь

жрал наш малоуважаемый мерзавчик, но в убойности ей отказать было сложно.

Крысиная туша скрылась под водой, оставив после себя лишь расходящиеся круги на мутной воде. Тут в пору было подивиться – там, где мне было разве что по колено, умудрилась целиком спрятаться такая туша.

Я сплюнул, утер рот рукавом, посмотрел наверх – без крыльев тут точно назад не забраться. Да и если заберусь – люк, сквозь который я рухнул сюда, уже успели затворить.

А значит, следовало попросту идти дальше. Выбирался же откуда-то этот Старый Хвост после того, как разделяется с несчастными?

Ну да, ну да, смеялся сарказм. Бандиты, что желают от кого-то избавиться, всегда же славились именно тем, что оставляли лазейки, сквозь которые можно было бы вынырнуть наружу. Отчаяние, жадно потирая ручонки и обещая взяться за мою душу чуть позднее, не уставало твердить, что куда бы я ни сунулся в этом лабиринте – это тупик.

Здравый смысл боролся с ними изо всех сил и не щадя живота своего. Мальчишка, живущий внутри каждого мужчины, не желал так запросто сдаваться. Получив обидный щелчок по носу, он не желал хныкать в собственном бессилье, жаждал героем проломиться сквозь стены чужих препон.

И обязательно наподдать плохим парням.

– Ты найдешь здесь свою смерть, юный князь. – Со мной, казалось, заговорили стены. Я вздрогнул от неожиданности.

Напрягся, ожидая следующей атаки, но ничего не случилось. Старый Хвост потешался надо мной – хриплый, раскатистый смех эхом отражался от каменных стен, клином вбиваясь в мои уши.

– Слишком многие в свое время считали, что могут быть со мной грубы. Что, рожденные с серебряной ложкой во рту, они получили некое особенное право, которого нет у других. Смеяться над низшими, унижать, издеваться, отбирать...

Я не видел причин отвечать на его болтовню. Что, в самом деле завести песнь, что клинок Кондратьичу мы в самом деле купили честно? Так эта погань не поймет, обвиняя благородство в предвзятости. Он сам скакал на коньке чужой гордыни.

– Многие сгинули здесь до тебя. Я мог бы составить целый список. Им подвластны были огонь, вода, железо и слово. Был даже один музыкант, представляешь?

У меня под ногой хрустнуло, я бросил взгляд, попятился, выругался. Мне не посчастливилось наступить на давно истлевший череп истерзанного бедолаги. Скелет несчастного был разбросан, словно при жизни от него отрывали части тела.

Жуткий страх вкрадчиво шептал, что именно так и было.

– Я буду следить за тобой из теней. Тебе кажется, что отсюда есть выход, что можно добраться до какой-то волшебной лестницы и выползти на свет божий. Не-ет, маленький котенок, здесь просто мои охотничьи уголья. Ты нетерпелив,

ты яростен, ты готов бросаться в бой – как и десятки других до тебя. Это уйдет через пару-тройку часов блуждания.

– Покажись, – велел я, стиснув кулаки, приготовившись к бою. Смех был мне ответом.

– Я же сказал, что ты спешишь. А у меня времени много, я могу подождать. Ты расслабишься, и я настигну тебя, вкусив твоей крови, будто вина. А может, тебе придет в голову кидаться на каждую тень? Что ж, давай тогда поиграем?

Лампочка, висевшая надо мной, вдруг хрустнула, будто раздавленный зубами леденец, осыпала меня ворохом осколков и искр. Я метнулся прочь, ударил не глядя и наотмашь – кулак врезался в мохнатое тело. Старый хвост хрипло ухнул, вложенных мной дьявольских сил вполне хватило, чтобы швырнуть его в стену.

Серая крысиная шкура зловеще блестела в потемках, шедший из мерзкой глотки свист радовал ухо, но я знал, что останавливаться нельзя.

Сейчас это было смерти подобно. Здесь, посреди мерзости людских отходов, я прикончу этого поганца и, наверное, мир станет хоть чуточку светлее.

Словно осатанелый, я накинулся на огромную крысу. Его ребра затрещали, принимая на себя один мой удар за другим. Лысый хвост, будто плеть, нещадно колотил по стенам, баламутил воду, охаживал меня по спине и плечам. Не желая бить битым, он вертелся едва ли не юлой. Мерзкие крысиные лапы драли на мне рубаху в надежде добраться до мягкой

кожи, хлопали по лицу, оставляя на щеках глубокие царапины ссадин. Изогнувшись, он ударил задними лапами прямо в живот – из меня будто выбили весь дух. Словно мяч, я отлетел в сторону, плюхнулся в воду и тотчас же ощутил на себе всю тяжесть крысиного великана. Любивший поболтать со своими жертвами о вечном, Старый Хвост теперь жаждал не загнать меня в угол, он хотел только того: чтобы я сдох.

Отчаянно цепляясь за жизнь, я барахтался в вязкой, вонючей воде, чувствуя на губах мерзкий, тошнотворный вкус нечистот. Я пустил со спины тень, надеясь лишь на то, что демоническим силам в своей массе нужна не сама ночь, а лишь темнота.

Тщетно.

Сгусток тени принял на себя лишь острый, клацающий хват резцов облезлого Хвоста, спасая меня от укуса, попытался вдарить всеми тремя руками – но те оказались слишком слабы, чтобы сдвинуть с меня эту мерзость.

Ощущая, как горят легкие, в глазах темнеет, а слабость овладевает телом, я ударил головой назад.

Вышло так себе и слабенько, но мой противник взвыл, словно ужаленный. Его будто ветром снесло с меня – глава преступного синдиката заверещал, как резаный, а я, еще не понимая, что толком произошло, пытался разлепить глаза. Может, подумалось мне, в свой удар я вложил ту самую нестерпимую боль? Непроизвольно, совершенно забыв об этой абилке, но все-таки...

Все оказалось гораздо интересней.

Мрачные стены заброшенного крыла канализации охватил яркий, почти полуденный свет. Тьма, обвыкшаяся здесь, словно у себя дома, испуганно бежала прочь. Я же пытался понять, что случилось.

Яснотение было ко мне неумолимо. Нахождение в мутной воде по самые уши не только обратило мою форму в вонючее тряпье, так еще и отчаянно, с огромным азартом и неумным аппетитом подтачивала мои полоски здоровья с выносливостью. Словно всего того было мало, она облизывалась и на запасы маны, словно спрашивая: а ты, мол, как думал? Тут раззяв не любят. Вонь, грязь, антисанитария любого здоровяка обратят в едва волочащую ноги развалины.

Выбираясь на правый проходной борт, откашливаясь от вязнувшей на зубах мерзости, я бросил взгляд в сторону Старого Хвоста.

Крыс плевался желчью во все стороны, словно был ослеплен. Его тело исходило судорогами, подпрыгивая, перебирая крохотными лапками по воздуху. Визг, идущий из его глотки, норовил залепить собой уши, оглушить.

Да что за черт в него вселился?

На миг мне представилось, что Биска, решив, наконец, оправдать статус моей подопечной, явилась сюда из глубин ада даже без моего зова. Отчаянно я вглядывался в царящий вокруг кавардак, силясь выцепить взглядом оседлавшую чудовище демоницу.

Биской тут даже и не пахло. А вот повисшая в воздухе святая благодать говорила, что помощь пришла откуда не ждали.

Протерев глаза мокрым рукавом, проморгавшись, я наконец сумел узреть крохотный поток света, что жалящей осой вонзался в мерзкое тулово Старого Хвоста.

Тот будто бы отрицал действительность, не желая верить, что нечто настолько крохотное способно его одолеть. Он клал челюстью, бил лапами и хвостом, вертелся в диком, отчаянном танце – и безбожно проигрывал.

Нея жалила его, оставляя мерзко тухнущие проплешины на серой шерсти, отчаянно и самозабвенно бросаясь в очередную атаку. Мне казалось, что он сумеет ее поймать. Еще одна ее попытка – и он подстроится под ее ритм, взмахнет хвостом, и она кормом для рыб ухнет в небытие текущей сквозь стоки дряни.

Я даже представил, как эта погань, словно на прощание, посмеет ухмыльнуться, крякнуть и подмигнуть единственным уцелевшим глазом. Скажет, что сегодня мелкая сволота ночует у рыб.

Я письмо от Слави сволотой уж точно не считал. Метнулся к ним, закрывая собой в самый последний миг – хвост, готовый расплющить малютку, оставив люминесцентным пятном на стене, болью обжег спину. Было ощущение, будто она горит огнем, а мою кожу только что опрыскали кислотой.

Он рванул хвост на себя, заставив меня рухнуть на колени

– как я мог не замечать раньше, что на облезлом, не в меру длинном хвосте шипами растут костяные наросты. Я взвыл, когда он клочьями принялся драть с меня кожу. Страх кричал, что если у меня есть план спасения, то лучше бы я поскорее явил его миру. Иначе зараза попадет в кровь, а я издохну гораздо раньше, чем сумею выползти из этой ямы.

Булькающие нечистоты вторили страху, мол, да-да, искупаешься – и готовь себе деревянный макинтош!

Нея была в моих руках комочком чистоты и святости. Я чувствовал, как готовая рвать меня в клочья боль унималась, принимая бальзам ее ангельской природы как исцеление.

Исцеления не было, моему телу, да чего уж там, мне самому становилось хуже от мгновения к мгновению.

Ощутивший свободу Старый Хвост наотмашь рубанул меня своим лысым отростком, надеясь хлестнуть по щеке, но я вовремя сумел завалиться. Вторая его попытка окончилась ничем – едва он замахнулся, как Нея выпорхнула из моих рук. Все в ее маленьком естестве желало воздать мне за ее спасение. И если я готов был пожертвовать ради ней своей спиной, ей не жалко было лишиться жизни.

– Ты умеешь удивлять, юный князь. Кажется, что ты испробовал на мне все свои трюки, но ты вытаскиваешь из широких штанин новый туз и, как назло, козырной. Где ты, мать его, умудрился разжиться ангельской куклой?

Мне нечего было ему ответить, да и незачем.

Решив побережься, главная мерзость петербургского кри-

миналитета подалась назад, отчаянно и неспешно отступая. Я не видел, но чувствовал, что он готовится к прыжку. Что мышцы задних лап готовы спружинить тяжелое тело, перекусить надоедливую стрекозу, проглотить, размолоть резцами клыков.

И выплюнуть мне под ноги мерзким месивом.

Я покачал головой, вытаскивая из недр последние силы. Пускай выносливость неуклонно стремиться к нулю, а дебафф усталости хмыкая утверждает, что отныне возьмется за меня всерьез. Я ударил, сложив руки замком и наотмашь, не очень надеясь, что хоть что-то получится.

Челюсть подонка захрустела, едва встретилась с моими кулаками. Передние резцы взорвались крошечным, валились наземь острые и не очень осколки зубов. Я глянул на свои руки – и обомлел. Их окутывал золотистый свет.

Что, спрашивало меня ясночтение, не веришь? Это ты очень даже зря, парень. Нея решила обратиться оружием, кастетами облепив мои пальцы. Со всех сторон, даже от названия разило легендарными свойствами – и невероятно скромным запасом прочности. Я почти услышал, как внутри от боли пискнула безмолвная Нея, стоило мне при помощи нее хорошенько огреть Старого Хвоста.

Все еще не веря в случившееся, он мотал мордочкой из стороны в сторону, изувеченные лапки перебирали розовый носик. Я же решил, что лучшей мишени для удара попросту не сыскать.

Стиснув кулаки, натянув на моську выражение пострашней да покруче, я отвесил поганцу хук. Боль абилкой потекла с моего кулака в гадкое тело мутанта. Старый Хвост зашатался, силясь удержаться в сознании. Это он зря, ухмыльнувшись себе. Рухни он сейчас без сил, усни – и я бы добил его, разmozжив голову парой ударов. Быстро и безболезненно.

Он же словно только и мечтал о том, чтобы я сотворил с ним что-нибудь этакое

Ну я и сотворил.

Драться меня учила улица. Гопники, сидящие на картах всегда желали разжиться мобилкой, денюжкой или хотя бы сигареткой. И чесали кулаки о тех, кто смел им отказать.

Я выбирал путь смелых, но глупых – быть битым и обобраным. Но всякий раз мне удавалось намять бока то одному, то другому поддонку, а после они уже решали со мной попросту не связываться – стоят ли те гроши, что ночевали в моих карманах, тех приключений, что я приносил с собой?

Желая вывернуться из моей хватки, огромный крыс спешил нырнуть в спасительную воду. Раствориться, уйти мелким поганцем на самое дно – уж лучше битым, чем мертвым. Я пресекал каждую его попытку высвободиться – впечатал что было сил в стену. Каменная кладка старой канализации оказалась непрочной. Будто годы в ароматах нечистот подточили твердость кирпича.

Облаченные светом кулаки жгли паразита, вырывая из его глотки хриплые мольбы о пощаде. Ну уж нет, решил я, здесь

не будет никакой пощады. Отпусти я его сейчас, он утрет кровь, залижет раны и уже завтра явится с новой, еще более мерзкой ухмылкой.

Чтобы отобрать то, что мне дорого.

— Где выход, тля? Слышишь? Где выход?

На миг я даровал ему краткую передышку. Взбудораженные болью бока грызуна ходили ходуном. Ему тяжело было дышать — мешали сломанные ребра. Вместо слов он мог выдыхать разве что стоны. Залитая кровью морда обессиле-но обвисла. Изломанная, покрытая блестящим серым мехом лапка указала куда-то в сторону, ткнула в стену напротив.

Я проверил ее ясночтением и ухмыльнулся — ну прямо то что нужно!

Глава 6

Меня не ждали. Наверное, сложно назвать момент, где бы меня в самом деле и по-настоящему ждали. За кирпичной кладкой — полуразрушенной, легко ломающейся и свежей — ждала своего часа стальная дверь. Все становилось понятно — сбрасываемые сюда жертвы попросту никогда не должны были вернуться домой. Вечность бродить в полуразрушенном, но тупиковом канале, который не обслуживался веками.

Стальная дверь застонала, неохотно пуская меня внутрь. Младшие собратья Старого Хвоста разбежались, стоило мне показаться с его тушей на плечах.

Он был избит и унижен, но пока что все еще жив. Нет,

убивать его там, в грязных каналах, – это пустая трата чужой жизни. Мне следовало преподать поганцам урок – и я обязательно сделаю это у них на глазах.

Гопники понимают только язык силы. Бандиты покрупнее видят лишь жестокость. Их недостаточно избить до полусмерти и отпустить восвояси. Недостаточно просто закрыть в камере и ждать исправления. Правосудие должно тащить их за загривок, словно паршивую кошку, и творить нечто, что навсегда отложится в их мозгу.

Отпечатается в памяти.

И уже в следующий раз они трижды подумают над тем, стоит ли им соваться в это дело.

Я хотел показать, что связываться с родом Рысовых не просто ошибка – это промах, достойный того, чтобы его занесли в учебники.

Впереди был коридор. Над головой раскачивалась тусклая лампа, обещавшая погаснуть в любой момент. Это ничего – Нея служила мне источником света.

Как только я закончил избиение уже не сопротивлявшегося поганца, она вновь приняла собственный облик. Ей явно было тяжело – в конце концов, я изрядно подточил ее полосу здоровья. Уверен, Славя придумает, как восстановить ее жизненные силы.

Устав нести мерзавца, швырнул его на пол: он свернулся, утопая в пучинах новой, свежей боли. Из разодранной пасти показалась кровь – бедолага кашлял собственными потроха-

ми.

Совість парила надо мной уязвленным ангелом, не уставая вопрошать: а все ли я правильно делаю? Хорошо ли подумал над своим следующим шагом? Что скажу своим детям, когда они меня спросят про этот случай?

Я был уверен, что не скажу ровным счетом ничего. Незачем им знать такие подробности.

Да и будут ли они еще, эти дети?

Крыса я тащил за хвост. Ухмыльнулся и пожелал ему держаться за свои потроха изо всех сил. Потому что непреодолимым препятствием перед нами лежала жестяная, изъеденная ржавчиной лестница, а облегчать его путь у меня уже не было ни сил, ни желания.

Он восходил по ней победителем. Неустанно, обглаживая кости очередного дерзкого мальчишки, чувствовал себя хозяином жизни, жмурился от лучей дневного света. Дверь где-то вдалеке блестела натертой до блеска рукоятью – словно манила к себе, обещала свободу из вонючего плена этих стен.

– Босс?

Дверь приоткрылась, когда я почти достиг самой вершины. Глуповатая морда велеса-барана показалась на миг. Изумленными до невозможности глазами тупень уставился на меня. Он ожидал увидеть кого угодно, но уж точно не извазюканного в грязи и крови князя Рысева.

Ну и видок, наверное, у меня сейчас. Такой, что при-

выкший видеть гигантских грызунов разбойник испуганно вскрикнул и поспешил затворить за собой дверь.

Я рывком оказался рядом с ней, не позволил провернуть уже вставленный в замок ключ, ударил ногой.

Дверь такого приветствия не выдержала, согнулась, слетела с насиженного места, придавив собой велеса. Здоровяк нелепо попятился, падая наземь. Я подтащил тушу его шефа поближе к себе, рывком дернул, бросил, словно снаряд.

Велес завыл от ужаса. Страх побежал по его штанине мерзкой смесью испражнений. Этого даже бить не надо, он уже обделался. Не ведая стыда, он вскочил, метнулся к ближайшему окну, высадил стекло, разрезав руку осколками, и устремился прочь. Не догонять же его теперь, в самом деле.

В особенности, когда впереди меня уже поджидают его дружки – с добрый десяток лихих головорезов.

Не меня, своего шефа. Наверняка уже притащили с десятков бутылей холодной водочки, со слезой – как же не отметить свершившееся правосудие над еще одним представителем «благородного» рода?

Крыс, принимая человеческий облик, наверняка неустанно вещал, что однажды закончится эпоха богатых, живущих в роскоши бездельников и настанет время их свободы. Я был с ним согласен за одним маленьким исключением: эпоха бездельников когда-нибудь обязательно закончится, но вот чем они лучше тех, кого презирают больше всех на свете, мне никто из них не сумел бы ответить.

Да и не нужно. Как будто я в самом деле стал бы слушать побасенки старых головорезов.

– Ну что там у тебя, Васька? Чего визжал-то? – спросили они, когда я вошел в здание склада. Ждали того здоровяка, не меня.

Окровавленный, я вогнал их в ступор – кажется, впервые в жизни они не знали, что делать дальше. Зато мне это прекрасно было известно.

Я подскочил к самому ближайшему из них – мой кулак врезался в скулу негодяя. Он рухнул, словно подкошенный.

Его друзья оказались не такими раззявами. Кто-то потянулся за пистолетом, у кого-то в руках мигом нарисовалась монтировка. Первые мне не нравились больше вторых.

Нея святой пчелой выпорхнула из дверного проема, словно клинок, ударила по глазам того, кто уже метил в меня из револьвера. Я уклонился от здоровяка с монтировкой – точно такой же тупой велес-баран, как и его бежавший собрат, только чуточку храбрее.

Настало время проверить его колени на прочность. Поддев ногой растяпу, я перехватил его руку в захват, ударил ему лбом в подбородок, вывернул руку – оружие Гордона Фримена звонко кляцнуло по полу и тут же переключевало в мои руки.

Второй поганец стискивал моего же Подбирину. Он вскрикнул, когда удар пришелся в плечо – острый гвоздодер вонзился в мягкую плоть, заставил руку обвиснуть плетью.

Не желая щадить, снес ему челюсть последующим ударом – уже мертвым он рухнул через мгновение.

Нея была хорошей помощницей. Не знаю, уж из каких там особенных ангельских колдунств ее собрала Славя, но при встрече обязательно скажу ей спасибо. Если бы не эта кроха, мне бы пришлось совсем туго.

Разбойники оказались слабы, разбойники оказались трусливы. Воля к сопротивлению таяла в них с каждым моим новым ударом. словно Джек-Потрошитель, я скашивал их одного за другим – стоная от боли, держась за изломанные конечности, они ползали по полу. Трое, узревшие участь своих собратьев, испуганно подняли руки, будто в самом деле ожидали, что я сейчас вытащу из широких штанин удостоверение Уголовного Сыска. Белые Свистки с наручниками наперевес явятся спасительными херувимами. Закуют их в кандалы и увезут куда-нибудь подальше от меня.

В голове блуждала шальная мысль: а не заделаться ли мне карателем? Ну тем самым, что с черепом на пузе и из комиксов. Думаю, у меня могло бы даже получиться.

Здравый смысл сказал, что крови на сегодня достаточно. Совесть была с ней солидарна, предлагая оставить этих нетронутыми. Они выдохнули, когда я скрылся в предыдущей комнате, но едва не запрыгнули на потолок от ужаса, стоило мне вернуться.

Их шеф был плох. Гораздо хуже, чем все они разом вместе взятые. Старый Хвост в действительности теперь напоминал

разве что развалины себя бывшего. Они смотрели на тело поверженного вожака, дрожали от ужаса, когда я перехватил монтировку поудобней.

Жестокость, напомнил я самому себе. Внутренний демон был доволен: размолоти все в кашу, говорил он. Так, чтобы они потом месяц не прикасались к мясу!

Я отрицательно покачал головой. Жестокость – это то, что им нужно. Верно. Но ведь не стоит доходить до крайности.

Подбирин лег в руку. Крыс за моей спиной пытался спастись. Изломанная туша спешила уползти – я нагнал его буквально в два шага, наступил на хвост. Чужая, что пришел его смертный час, он развернулся, чуть приоткрыл мерзкую зубастую пасть – пуля пробила его черепушку легко и заставила успокоиться.

Он обмяк сразу же, словно нелепая плюшевая игрушка. Для верности я всадил в его тушу еще три пули. Тело вздрагивало скорее по инерции, чем страдало от боли.

Ничего не говоря, пошатываясь, я направился к выходу.

Все, что хотел сказать этим скотам, я только что сказал.

На свежем воздухе было хорошо. Ряд автомобилей стоял в ожидании своих водителей – наверняка каждый из них принадлежал местному мафиози.

Я решил, что они будут рады променять одну из машин на сохранность своих вонючих шкур. Выбрал самую неплохую – черти, сидевшие в двигателях, были благосклонны и готовы рассказать целую родословную своего транспортного

средства. Они видели на мне печать Сатаны и рады были отозваться на зов. В конце концов, как не помочь бредущему среди мира людей собрату, даже если он наполовину человек?

Как ни странно, но общество чертей пока что вызывало у меня больше положительных чувств, чем разодетых, готовых задрать нос до самых небес снобов.

Машина завелась легко – пузатый чертенок готов был ради меня даже свой старый комбинезон отдать, не то что в такой мелочи помочь. Я был ему до бескрайнего благодарен.

На заднем сидении лежал старый, битый молью и временем плащ – я накинул его на себя. Лучше выглядеть не стал, но, по крайней мере, с легкостью прикрыл всю свою дрань от чужих глаз.

Чуть не забыл Нэю – она скользнула в приоткрытое окно в самый последний момент. Хлопнул себя по лбу – как вообще можно было забыть эту чудесную кроху? Если бы не она, я даже не знаю...

Церковь встретила меня прихожанами. Сегодня службу вел тот самый священник, которого я видел в прошлый раз. Люди смотрели на меня с непониманием, пряча за улыбками чистое недоумение. Приехавший в хорошем автомобиле господин был разодет в какие-то обноски. Признать в моих тряпках офицерскую форму мог бы разве что человек с очень богатой фантазией. Я не знал, где взять новую, не ведал даже, где спросить. Заявиться завтра к Николаевичу и

сказать, что снова подвергся разбойному нападению, а потому нахожусь в таком виде? Что-то подсказывало, что вместо жалости и понимания он лишь рассмеется мне в ответ и заявит, что расходы подобного рода – это, кхм, каламбур, есть обязанности как раз-таки благородного рода.

И ничьи больше.

Я решил, что подумаю об этом потом. Что толку тратить силы и нервы на то, чего не в состоянии изменить. Конечно, можно было нагряться к Кондратьичу – но, думаю, Славя не станет дожидаться, когда я прибарахлюсь новыми шмотками.

Прихожан в этот раз было куда меньше – видимо, дева с ангельскими крыльями пользовалась тут куда большим успехом. Меня сторонились, какая-то старушка, мир ее душе, решила сунуть мне в ладонь несколько копеек милостыни, приняв за убогого попрошайку.

Я вернул ей деньги. Отрицательно покачал головой, поблагодарил за доброту – уж не настолько опустил, чтобы отнимать малые крохи у несчастных стариков.

Нея пряталась под плащом, найдя приют во внутреннем потайном кармане. Уставшая, она свернулась и, кажется, ненадолго уснула.

За руку меня схватили прямо на службе. Я потянулся к пистолету за поясом – будто бы и в самом деле решил устроить в церкви пальбу. Но меня тащила за собой Славя: ее легко было узнать по светлым, торчащим из-под серого капю-

шона волосам. При ней не было привычных крыльев – они были поверх ее нагого тела, словно балахон. В толпе на нее никто не обращал внимания, будто в самом деле не признавал всеобщую любимицу.

– Что на тебе надето?

– Я всегда называл это одеждой. Если у тебя есть для этого какое-то иное название...

– Дурак, – в привычной манере отозвалась ангел. Я спорить не стал. Она вывела меня из церкви, вместе мы скользнули к жилой пристройке – судя по всему, святые люди жили именно тут. Вот же ж – ангел так запросто живет среди людей?

Она впихнула меня в маленькую, тесную келью. Кровать, стол, лавка, самовар – здесь как будто бы не жили, а только ночевали.

Над головой располагалась небольшая книжная полка, подвешенная на цепях. Святые тексты, библия – иной литературы здесь ожидать было сложно.

– Получил мое письмо?

– Иначе почему я, думаешь, пришел? – недовольно забурчал. Нея выпорхнула сама, на миг зависла перед Славей. Недолго думая, ангелица ее грубо схватила, словно намеревалась раздавить. Я едва не захлебнулся от возмущения.

– Ты что вытворяешь? Это же... это же Нея.

– Это всего лишь письмо. – Она прищурилась, а я покачал головой в ответ.

– Нет. Не знаю, что там за ангельская тумба-юмба сейчас творится в твоей голове, но это Нея.

– О, мило. Ты успел придумать письму имя? – Она говорила это таким тоном, будто милого в самом деле ничего не видела. Напротив, мое упрямство вызывала в ней недоумение. Нея не спешила высвободиться из тесных объятий своей истинной хозяйки, будто готовилась принять собственную судьбу.

– Это всего лишь письмо. Кусочек текста, начертанный святыми чернилами на бумаге. Прямо как тот лев. Она не живая, по крайней мере, в истинном понимании этого слова.

– Разве обязательно ее убивать?

– Ненужное всегда следует уничтожать. Даже если оно, кхм, в своем роде живое. Иначе это надругательство над мирозданием. Ему может быть больно от таких фокусов. – Она словно подыскивала слова для оправдания. Потом выдохнула. – Ты хочешь оставить ее себе? Тогда ладно. Пускай.

– Это письмо спасло меня только что. Причем уже дважды.

– О, – ангел вскинула бровь, – гляжу, ей ты благодарен даже больше, чем мне. Может, мне тогда оставить тебя с ней и уйти?

Я решил, что следует сменить тему разговора. Пусть Слава и ангел, пусть немного странная в своей холодности, но она все же девчонка. Что-то мне подсказывало, что привычные приемы на нее действуют точно так же, как на остальных.

ных.

Мягко коснулся ее ладони, словно требуя, чтобы она успокоилась. Отдернет руку – значит обиделась. Не отдернет – тоже дует, но не столь сильно.

Она не отдернула, а я продолжил свое наступление.

– Будь снисходительней, я же всего лишь человек.

Она решила выдохнуть вместо ответа. Очень многозначительно.

– Ты нашла того треклятого льва?

Это уже сумело ее заинтересовать куда больше. Она кивнула, готовая выложить мне все, что ей удалось разузнать. Я же горел от нетерпения и рвался в бой. Тело все еще стонало от недавней схватки со Старым Хвостом, а мне как будто бы этого было мало. Ангел оказалась куда рассудительней, чем я.

Ее палец осторожно коснулся моих губ, заставив иссякнуть тот поток слов, что норовил излиться на ее плечи.

– Сначала ты отдохнешь, – сказала она. Если у меня было ясночтение, то на ее стороне особые святыя колдунства. Может быть, она читала информацию обо мне не в столь подробных обстоятельствах, что и я, но все же смогла заметить изможденность и усталость.

– Они же уйдут, – возразил я, но она лишь покачала головой.

– Они никуда не делись за добрую неделю. Ты правда думаешь, что они так сильно поджали хвост, что не подождут

хотя бы до вечера?

Я закусил губу. А ведь она права – ночью-то я и к своим демоническим силам могу воззвать, и пользы будет куда больше.

Ее носик быстро учуял идущий от меня аромат – ну да, что и говорить, побывав в старых канализационных каналах, я вряд ли пах фиалками.

– В душ, – скомандовала она и отвела меня в крохотную ванную. Та оказалась в этой же келье, за небольшой дверцей. А ангел-то, несмотря на всю присущую ей скромность, знала, как расположиться с удобствами.

Тугие струи горячей воды смывали с меня грязь чужой смерти вместе с кровью. Словно желая быть абсолютной противоположностью иных девчонок, Славя собиралась быть другой даже в мелочах. Там, где Алиска с Майкой держали бы с десятков моющих средств – для волос, для лобковых волос, для волос на волосах, – Славя оставляла себе выбор аскета. Измыленный, давно мечтавший о замене кусок хозяйственного мыла был всем, что она могла мне предложить. Возмущаться я не стал. Это ведь куда лучше, чем абсолютное ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.